

Дмитрий Казаков

Дмитрий Казаков

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ

Дмитрий Казаков

Черное знамя

«Автор»

2014

Казаков Д. Л.

Черное знамя / Д. Л. Казаков — «Автор», 2014

Они молятся на знамя с трезубцем, но при этом называют себя патриотами России и наследниками Чингисхана. Они восстановили лежавшую в руинах великую страну, но при этом покрыли ее концлагерями. Они вернули русскому народу втопанную в грязь гордость, но при этом развязали новую мировую войну. Кто же они такие, и чего им это стоило?

© Казаков Д. Л., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Под хмурым небом осени	6
Прекрасным майским днем...	15
Под хмурым небом осени	25
Прекрасным майским днем...	37
Под хмурым небом осени	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Казаков

Черное знамя

© Дмитрий Казаков

* * *

*Я могу жить лишь в двух различных формах.
В качестве разума, поставленного на службу лжи, или в качестве
телесной оболочки, поставленной на службу убийству.
Альбрехт Хаусхофер
Германия, 1939*

Под хмурым небом осени

1

22 сентября 1938 г.

Казань

За время, что Олег провел вдали от столицы, здание министерства мировоззрения изменилось мало.

Такси, привезшее Одинцова на площадь Евразии, развернулось и укатило, а он стоял и смотрел так, как будто видел это все в первый раз – могучие колонны из багрового гранита, широкая лестница, золоченые ручки дверей, громадные окна, закрытые изнутри тяжелыми занавесками цвета спекшейся крови.

Зримое воплощение мощи ведомства Паука, раскинувшего свою паутину по всему миру.

Плещущего ее неумоимо, извергающего потоки информации, что растекаются в стороны, проникают в каждый дом, в казармы солдат и в хибары пастухов, в кабинеты чиновников и квартиры ученых.

Да что там в дом, невидимые нити пробираются в голову каждого гражданина Вечной Империи, и опутывают его мозг серым клубком, прорастают внутрь, и этот гражданин начинает думать так, как нужно, так, как предписано...

Образ колоссальной паутины заставил Олега вздрогнуть, холодок побежал от макушки к копчику. Он поежился, поднял воротник плаща, защищаясь от ледяного ветра, и тяжело, постукивая палкой, зашагал по тротуару.

Совсем не так – легко и быстро – как привык.

И совсем не туда, куда привык – вот к этим широким дверям, чтобы пройти через них, небрежным кивком ответить на приветствие охранника, и дальше на третий этаж, где располагается отдел общей пропаганды...

Проклятье, к чему ворошить то, что осталось в прошлом?

Но ведь сам попросил таксиста высадить его именно здесь, хотел посмотреть, вспомнить... Поддался идиотскому порыву, хорошо зная, что ни к чему хорошему это не приведет, что пропуск его аннулирован, и что предписание за подписью того же Паука закрыло Одинцову Олегу Николаевичу путь во «дворец» министерства мировоззрения.

Над Казанью царил холодный сентябрьский день, в серой пелене, затянувшей небо, кое-где проглядывали пятна голубизны. Редкие прохожие то и дело поглядывали вверх, на лица читалась опаска – благодаря тому же Пауку, раструбившему на весь мир о невиданной победе, все знали, что несколько дней назад самолеты империи атаковали Суэцкий канал, и многие теперь ждали ответного удара англичан.

Глупость... ни один самолет, даже дальний бомбардировщик не доберется до Казани.

Ни у Британии, ни у Франции, ни у Японии нет таких аэродромов, откуда можно угрожать столице. Даже Москва в безопасности, разве что Питер может подвергнуться нападению, да и то очень вряд ли.

– Олег! Ты? – негромкий окрик ударил в спину, заставил Одинцова сбиться с шага.

Он неловко, едва не запнувшись о палку, повернулся.

Застывший у обочины большой черный «Линкольн Зефир» блестел, точно начищенный ботинок. Задняя дверца была распахнута, и от нее к Олегу шагал плотный мужчина во френче, и на усатой физиономии его красовалась привычная кривая усмешка.

– Я, – сказал Олег. – Кто же еще?

– Ну, я бы не сказал, что ты сильно похож на прежнего себя, – как и главный корпус министерства, Владимир Кирпичников, тайный советник, начальник отдела общей пропаганды и талантливый журналист, пишущий под псевдонимом «Ставский», за последнее время изменился очень мало.

Те же быстрые движения, скрип сапог, запах табака, взгляд уверенного в себе человека и крепкое рукопожатие.

– После того взрыва в Стамбуле поговаривали, что ты... разное, – сказал Кирпичников, и улыбка его, ничуть не изменившись, стала вдруг фальшивой, как радостный оскал дешевой куклы. – Я был не против, чтобы ты вернулся, но это сам шеф решил... ты понимаешь, он сказал, что мы должны идти в будущее, и что инв... такие люди не в силах выдержать наших нагрузок... ты же сам знаешь, что это правда.

– Да, я понимаю, – проговорил Олег, испытывая желание закрыть глаза, чтобы не видеть самодовольной физиономии бывшего начальника. – Ты не беспокойся... все будет нормально.

– Да, конечно, конечно, само собой, – в голосе Кирпичникова прорезалось облегчение. – Увидимся как-нибудь, ты же теперь тоже в столице будешь? Ладно, я побежал, встретимся как-нибудь, обязательно, вот только в делах просвет наступит.

Он еще раз потряс руку Одинцова, и заторопился прочь.

Дверца машины захлопнулась, «Линкольн» рыкнул мотором и мягко встал с места – к той лестнице, около которой еще недавно стоял Олег. Кирпичников прихватит с сиденья пухлый портфель из коричневой кожи, набитый бумагами, взбежит по ступенькам, и вскоре окажется в своем кабинете, где в углу стоит...

Нет, об этом лучше не думать.

Олег отвернулся и, сгорбившись, заковылял дальше.

В декабре будет семь лет, как столицу перенесли сюда из Петрограда, и за это время Казань изменилась так, что старожилы только качали головами, превратилась из захолустного губернского города в центр исполинского государства. Здесь, между рекой Казанкой и озерами, снесли множество старых зданий, кирпичных и деревянных, им на смену пришли современные монстры из бетона и стали.

Но вид их Олега сейчас не радовал – серые гладкие стены, похожие на слепые глаза окна.

– «Империя»! «Империя»! Свежий выпуск «Империи»! – прокричал мальчишка-разносчик, пробегая мимо. – Наступление в Китае! Частичная мобилизация в Германии и Чехии!

Одинцов совершенно не знал старую Казань, но был в курсе, что улица Единства, по которой он сейчас шагал, ранее именовалась Воздвиженской.

Когда свернул на боковую улочку, в глаза бросилась висящая на стене афиша – на заднем плане взрывы, столбы огня и дыма, на переднем – героические лица Николая Черкасова и его тезки Крючкова, облаченных в солдатскую форму, и надо всем этим надпись «Варшавский гамбит».

На экраны вышел очередной фильм о победоносной войне тридцать второго года, второй германской, как ее прозвали в народе.

Приведет ли к триумфу нынешнее противостояние, где Империя сражается с недавними союзниками?

Вновь стало холодно и неудобно, Олег невольно поежился.

Нет, проклятье, пусть об этом думают политики и генералы...

Ага, а вот и то здание, что ему нужно – табличка сбоку от двери дает понять, что принадлежит оно министерству мировоззрения, как и «дворец» на площади Евразии, вот только тут все намного скромнее. Вторая, побольше, но обычными, не золочеными бук-

вами, и без герба, сообщает, что здесь располагается «Институт изучения евразийской истории «Наследие».

Задворки государства Паука, его собственного удельного княжества.

Скрипнули петли, заскрежетала дверная пружина, и Олег оказался в полутемном вестибюле. Ощутил запах сырости, поймал вопросительный взгляд расположившегося в застекленной будке вахтера.

– Добрый день, – сказал Одинцов. – Мне нужен отдел личного состава.

– Это вам вон туда, – вахтер показал. – Ближняя дверь... да-да, вот эта.

За дверью обнаружился короткий коридор, а в нем еще двери, но в отличие от первой, снабженные табличками – «Начальник отдела», «Канцелярия», «Архив», «Бюро учета личного состава».

В последнюю Олег и вошел.

Из-за заваленного папками письменного стола на него недружелюбно покосился клерк в темном костюме – худой и сутулый, прыщавый лоб, очки на носу, сальные черные волосы; типичная канцелярская крыса, бюрократический червь-паразит, какие были и в старой империи, и в Январской республике, есть и сейчас.

Такие твари находят пищу всегда, и извести их не проще, чем крыс и тараканов.

Наверняка состоит в партии, один из «подснежников», из тех, кто вступил ранней весной тридцатого года, когда даже до самых тупых дошло, что Павел Огневский и ведомая им ПНР берут власть в России, причем крепко и надолго.

– Вам что? – буркнул клерк.

– Оформиться, – сказал Олег, стараясь говорить спокойно.

Что бы там ни болтал Кирпичников, он здоров, он в полном порядке.

– Садитесь, давайте документы, – велел клерк.

Одинцов не без опаски присел на ветхий стул, и выложил на стол папку из черной кожи. Сотрудник отдела личного состава открыл ее, поправил очки, и принялся одну за другой изучать бумажки.

– Так-так-так, – сказал он. – Одинцов Олег Николаевич, девяносто седьмого года рождения. Верно?

– Верно.

– А где характеристика из партии? Ага, вот она... – клерк удовлетворенно потер ручонки. – Годится... так... Статский советник? Отдел общей пропаганды? Владимир третьей степени, Белый Крест Тенгри, премия Махмуда Ялавачи...

Лицо его вытянулось, глаза округлились, а Олег заскрипел зубами – к чему упоминать обо всем этом, о званиях и наградах, которые еще недавно казались столь важными, а теперь потеряли значение?

– Ничего себе... – хозяин кабинета поднял взгляд, и уставился на значок, приколотый к лацкану пиджака посетителя – серебряная чаша на высокой ножке, ничего особенно красивого или дорогого, если не учитывать, что носить подобное украшение мог только «испивший мутной воды», один из тех, кто вступил в партию до двадцать пятого года, а во времена премьера Коковцова сидел в тюрьме.

Тут уж челюсть клерка и вовсе отвисла, а подобрав ее, он понизил голос и спросил:

– Кому вы мозоль-то оттоптали? Что вас оттуда сюда, к нам?

– Никому не оттоптал, – буркнул Олег сердито. – Делайте, что должны.

– Как скажете, как скажете... – хозяин кабинета продолжил изучать документы, бумаги зашелестели. – Вот вы на меня волком смотрите, а совершенно зря, ведь только на таких, как мы, и держится государство. Что ведь оно такое, на самом деле? Громадная пирамида из служащих. Нацеленная в будущее вершина – это вождь народов и премьер-министр империи, а камни, подпирающие его величие – это мы все, вплоть до последнего коллежского

регистратора в волостной управе. Народ же лишь сырой материал, из которого эта пирамида возводится. Главнейшее дело тут – быть всякому на своем месте, и лежать смирно, тогда и конструкция крепче станет.

Одинцов смотрел в сторону, старался не слушать разболтавшегося клерка, что неожиданно оказался философом.

На подоконнике кабинета толпились горшки с геранью и еще какими-то растениями, угол занимала массивная туша несгораемого шкафа, а рядом с ней на стене висел большой плакат. Могучий скуластый всадник с шашкой в руке мчался на зрителя, а из-под ног его коня разбегались крохотные пузатые человечки, чьи лица были искажены от страха, а на цилиндрах виднелись флаги Великобритании, Франции, Германской империи, других западных стран.

Изображенный сверху лозунг гласил «Раздавим европейскую гадину!».

«Грубо сработано, – подумал Олег, разглядывая плакат. – Вряд ли это наши делали. Военное министерство наверняка постаралось, у них там такие дуболомы сидят, что ой-ой-ой! Хотя какие «наши»?».

И он вновь заскрипел зубами.

Надо забыть, что было с ним раньше, о месте, где он работал до того злополучного майского дня, о людях, с которыми вместе работал...

Вот только каково это – забыть, Олег представлял с большим трудом, слишком необычной памятью наградила его судьба, и если что из нее и выпадало, так совсем давние события, случаи и персонажи из далекого детства, да и то лишь самые незначительные. Он помнил лица, имена, прозвища и даты, мог с легкостью сказать, что делал и где был в тот или иной день даже пятнадцать-двадцать лет назад, процитировать наизусть книгу, читанную в юности или статью из той же «Империи», напечатанную к Дню Воссоединения в тридцать первом году.

Когда-то это умение здорово помогло ему, поспособствовало тому, что он стал тем, кем стал.

– Последние три месяца, начиная с двадцатого июня сего года проживали... согласно отметкам в паспорте... ага, Таврическая губерния, город Ялта, – и клерк вновь поправил очки. – Отдыхали?

– Находился на излечении, – ответил Олег.

Такой отдых можно пожелать только врагу... да, море и солнце, фрукты и пляж, богатый Крым, но при этом ты не в силах наслаждаться местом, где находишься, поскольку все твои помыслы занимает то, что происходит с твоим телом, боль, слабость и тошнота, бесконечные процедуры, уколы и таблетки.

– И переведены к нам личным предписанием министра, – клерк подобострастно хмыкнул.

Именно так, срочная бумага за подписью Паука выдернула Олега из Крыма, заставила сесть в поезд и вернуться в столицу, куда он прибыл вчера вечером, и не успел даже навести порядок в заброшенной квартире.

Чтобы не выдать своих чувств, он вновь отвел взгляд.

На столе меж папок лежал толстый том в серой обложке – сверху надпись «Новая Яса», а внизу флаг, черный, с золотой окантовкой и с белым трезубцем, обращенным вверх, стилизованным белым кречетом, гербом Чингисхана и его рода.

Знамя Вечной Империи, что ныне вьется над Пекином и Стамбулом, Тегераном и Вильно, победоносный стяг, внушающий трепет врагам, вернувший России гордость и славу, навсегда, как казалось, утраченные в шестнадцатом году, после позорного и унижительного Амстердамского мира.

– Значит, пропуск третьего класса по институту и министерству, – сказал клерк, прерывая размышления Олега. – Выпишу я вам его немедленно, приказ отдам в канцелярию сегодня, директор наш, Андрей Евгеньевич, подпишет завтра. После обеда можете придти, я думаю.

– Хм, я понял, – Одинцов потянулся за папкой.

– Да, конечно, документики ваши, – хозяин кабинета угодливо закивал, трясая сальными волосами. – Что нужно, я себе забрал, да, а паспорт бы вам лучше перерегистрировать, а то давно вы в столице не были, да и новые правила в августе вышли, прямо накануне Дня Поминовения.

– Это в жандармском управлении?

– Нет, в городском департаменте полиции, они сейчас этим занимаются.

– Хорошо, спасибо, – Олег поднялся, поморщился от пронзившей спину боли – точно спицу воткнули.

«Еще какое-то время будет болеть, – сказал главный врач санатория «Родина», когда они прощались в просторном, светлом кабинете, из окон которого видно уходящее за горизонт море. – Может быть, месяц, может быть, два. Но это не опасно. И нога разрабатается, сто процентов».

Очень хорошо, что вспомнил про ногу – а так бы, глядишь, забыл приставленную к столу палку. Олег таскался с этой штуковиной уже не первый месяц, но привыкнуть не сумел – может быть, рассудок подсознательно отвергал этот зримый символ неполноценности, вытеснял его из памяти.

До хруста в пальцах стиснув отполированную ручку, он вышел из «Бюро учета личного состава», придержал шаг, давая дорогу высокому мужчине, появившемуся из-за двери с надписью «Начальник отдела».

В вестибюле «Наследия» оказалось куда болеелюдно, чем когда Олег проходил тут в первый раз – двое работяг, пыхтя, волокли через проходную дощатый ящик, вокруг них крутился молодой очкарик.

– Стой, сейчас все мне тут разворотите! – воскликнул вахтер, и в этот момент стены дрогнули.

Олега ударило в лицо, отшвырнуло в сторону, голову заполнил тяжелый гул.

Очнулся он, как показалось в первый момент, сразу же, и обнаружил себя лежащим на полу. Когда открыл глаза, то перед ними все плыло и кружилось, но сумел разобрать, что вестибюль большей частью уцелел, хотя в стене напротив входа красуется пролом, а от застекленной будки не осталось ничего.

Клубилась каменная крошка, а меж обломков и осколков валялись изломанные окровавленные тела.

На миг Олегу показалось, что он вновь там, на проспекте Истикляль, и ужас накрыл его ледяной волной, а сердце замерло. Но через мгновение он вспомнил, что находится не в Стамбуле, а в Казани, и пришла мысль, что это наверняка англичане прилетели на каких-то сверхдальних бомбардировщиках...

«Нет, не может быть, глупость» – подумал он, и вновь провалился в беспамятство.

Но и на этот раз оно не продлилось долго, и очухался Олег от зазвучавших рядом голосов.

– О, смотри, живой! – воскликнул кто-то радостно. – Давай, Васька, помогай!

Чьи-то руки, сильные, но аккуратные, подхватили Одинцова, и через миг он оказался сидящим. Тело отреагировало на такое обращение на удивление спокойно, промолчала нога, и спина не напомнила о себе, вот только в голове словно затлел крохотный огонек, начал разгораться, разгораться...

Проклятье, только не это!

Олег не выдержал, застонал – нет, нет, только не это и не сейчас!

Он поднял веки, но не видел почти ничего, нарастающая, пульсирующая боль словно заполняла не только череп, но и весь мир, превращала тот в переплетение смутных теней, нечто абстрактное, картинку плохого художника, изломанную ширму, которую нужно отодвинуть в сторону, но на это нет сил, они есть лишь на то, чтобы дышать, судорожно хватать воздух ртом, и еще на дрожь, сотрясающую тело.

– Эй, товарищ, вы в порядке? Говорить можете? – спрашивали у Олега, но звуки доносились словно издалека.

Голову охватило пламя, но уже через мгновение стало угасать.

Слава богу, на этот раз приступ оказался коротким и не особенно сильным, слава богу, врачам и таблеткам. Боль отступила, исчезла почти без остатка, лишь в самой глубине остался крошечный огонек, в любой момент, в каждую секунду могущий обернуться доводящим до безумия пожаром.

Сразу после контузии, в июне, приступы повторялись так часто и были столь сильны, что доводили Олега до мыслей о самоубийстве, но усилия медиков и целебный воздух Крыма постепенно сделали свое дело, и в последнее время все обстояло неплохо, хотя полного излечения никто не обещал...

– Могу, могу... – прошептал он. – Все со мной в порядке.

Разглядел, что рядом двое парней в серой полицейской форме, сидят на корточках, один заглядывает в лицо.

– Что произошло? – спросил Олег, и голос прозвучал намного увереннее, почти нормально.

– Вроде бы взрыв, – ответил тот из парней, что покрепче, скуластый и узкоглазый. – Непонятно только, что могло...

– Расулов, кончай болтать! Дуй сюда! Петренко один справится! – донесся издалека сердитый бас.

Скуластый замолчал, поспешно вскочил и дунул прочь, только хрустнули под его сапогами осколки стекла.

– Воды не хотите? – спросил Петренко, белобрысый и круглолицый.

– Да, можно.

Под самым носом оказалась фляга, и Олег вцепился в нее точно утопающий в спасательный круг. После нескольких глотков в голове прояснилось, и сумел разглядеть, что творится вокруг – тело высокого мужчины, того самого, что вышел из кабинета начальника отдела, грузили на носилки, громогласно распоряжался грузный краснорожий полицейский в капитанских погонах, обладатель могучего баса, через входную дверь спешили люди в белых халатах и шапочках.

– «Скорая» приехала, – сказал Петренко, и облегченно вздохнул. – Ну, слава богу. Разберутся теперь... Интересно, кто же мог совершить такое, враги какие-нибудь из Европы?

Он наивно моргал, и наверняка верил в злодеев, прибывших в Казань прямоком из Берлина или Лондона, чтобы взорвать принадлежащий министерству мировоззрения институт изучения евразийской истории «Наследие».

– Так, Алла, осмотрите этого, а потом в машину, – распорядился проходивший мимо врач.

– Никто не имеет права покинуть здание! – новый голос, резкий и неприятный, принадлежал худощавому типу лет тридцати, облаченному в высокие сапоги, офицерскую форму черного цвета и фуражку с высокой тульей.

Серебряные погоны, двоянный символ когтистой птичьей лапы на лацканах.

Полутысячник Народной дружины, а если судить по знакам различия, офицер управления имперской безопасности, отдельного корпус жандармов – да, этого стоило ожидать,

ведь именно ОКЖ занимается преступлениями против государства, в том числе и терроризмом... явились с устрашающей оперативностью.

Голубые мундиры, воспетые еще Лермонтовым, сгинули в тридцать четвертом, после Большого Заговора, когда жандармов забрали из МВД, и отдали Хану, в Народную дружину. Бояться офицеров ОКЖ после этого стали даже больше, вот и сейчас полицейские дружно подобрались, хотя команды «смирно» никто не давал.

«Опричники», как прозвали дружинников еще в двадцатых, когда они стали реальной силой. Кто придумал эту кличку, так и осталось неизвестным, но она прижилась, и порой ее использовали сами обладатели черной формы.

– Голубчик, тут могут быть тяжелораненные, – сказал врач, уперев руки в бока и глядя на полутысячника поверх очков. – Если их вовремя не доставить в больницу, то они могут погибнуть, и на чьей совести будет их смерть?

– Вы верно говорите, доктор, – жандарм хлопнул снятыми перчатками по ладони. – Немедленно проведите осмотр пострадавших, и если кто тяжело ранен, ты мы отправим его в больницу, под присмотром моих людей, но в любом случае никто не имеет право покидать здание без моего разрешения!

Белые халаты медиков, серые мундиры полицейских и черные жандармов – в вестибюле за несколько мгновений стало очень тесно, и от этой тесноты Олегу сделалось душно, захотелось выйти на воздух, под сентябрьское небо.

Но об этом оставалось только мечтать.

Полная врачиха ощупала ему руки и ноги, проверила позвоночник, и только после этого разрешила встать.

– Давайте, помогу, – предложил Петренко, так и топтавшийся рядом.

– Помогите, – сказал Олег, скрипя зубами от унижения: едва исполнилось сорок, а уже встать самостоятельно не можешь, что же с тобой будет еще лет через десять? – Палку подай, вон она... Еще папка должна быть, кожаная.

Не хватало остаться без документов.

Через мгновение он стоял, опираясь на палку и судорожно хватая воздух – не упасть, только не упасть, не показать никому, особенно этим вот, в черных мундирах, что его трясет от слабости.

Папка нашлась тут же, у стены, и молодой полицейский отряхнул с нее пыль и грязь.

– Этот в порядке? – спросил полутысячник, бросив на Олега вопросительный взгляд. – Давайте его тогда на допрос, вон туда, хотя бы...

Он замолк, прищурил глаза, глядя в сторону входной двери.

На шагнувшего в вестибюль сутулого большеголового мужчину в дорогом костюме под темным плащом.

Олег стоял далеко, но он знал, что пахнет от вновь появившегося французским одеколоном, яркий галстук придерживает заколка с крупным брильянтом, и такие же камушки, только поменьше, красуются в запонках. Иван Иванович Штилер, министр мировоззрения и имперский вождь пропаганды, носивший среди товарищей по партии прозвище «Паук», любил роскошь, и никогда этого не скрывал.

Большой и важный, расположенный близко к вершине камень той самой бюрократической пирамиды, о которой вещал клерк-философ.

Навстречу министру от разрушенной проходной заторопился осанистый седоголовый усач, сохранивший военную выправку, несмотря на почтенный возраст – похоже, сам Снесарев, востоковед, математик, филолог и геополитик, директор «Наследия».

– Григаладзе, на допрос его, – бросил полутысячник, и направился напрямик к высокому начальству.

В этот момент Олег даже обрадовался, что его уводят – видеть бывшего шефа не хотелось.

Через несколько минут он оказался в том же самом кабинете, где недавно общался с клерком-философом, вот только теперь место прыщавого бюрократа занял горбоносый, плечистый и черноглазый жандарм в чине полусотника Народной дружины, что примерно соответствует армейскому поручику.

– Так, и кто вы такой, товарищ? – сказал он с легким кавказским акцентом, используя принятое в партийной среде обращение.

Раньше его употребляли только внутри ПНР, но в последние годы оно начало вытеснять обычное «господин».

Олег молча протянул папку.

Какая удача, что у него не только паспорт, а полный комплект документов, даже партийная характеристика.

– Хм? – брови полусотника поднялись. – Это что? Ага, ясно... почему с собой?

– Я приехал сюда оформляться на работу, – сказал Олег.

– Ага, ясно... во сколько вы появились в здании?

– Точно не помню, где-то около одиннадцати, – Одинцов задумчиво почесал переносицу. – Хозяин этого кабинета наверняка помнит, у него можно спросить.

– Спросим, не сомневайтесь, – жандарм продолжал ворошить бумаги в папке, но лицо его оставалось спокойным – еще бы, в ОКЖ попадали люди чином и повыше, чем статский советник. – Цель визита понятна... когда прибыли в Казань?

– Вчера вечером, в двадцать один пятьдесят три, семнадцатый поезд...

Григаладзе резко вскочил, едва не уронив стул, вытянулся и взял под козырек.

– Вольно, полусотник, – хрипло сказали от двери, и Олег невольно вздрогнул, какой уже раз за это утро его окатило холодком.

Давно, очень давно не слышал этого голоса, и надеялся не услышать никогда.

– Что тут у вас?

– Допрос, ваше высокопревосходительство! – отчеканил полусотник.

Олег медленно, очень медленно повернулся, чтобы встретиться с неприязненным взглядом светлых глаз.

– Какая встреча, – буркнул стоявший в дверном проеме плотный и по-кавалерийски кривоногий обладатель формы темника, снимая фуражку и поглаживая начинающую сесть макушку.

– Всем встречам встреча, Николай, – проговорил Олег.

– Ваше высокопревосходительство, ну или по батюшке можешь звать, – поправил его Николай Голубов, в прошлом казачий офицер, драчун, бунтарь и завсегдатай скачек, один из основателей Народной дружины в Петрограде, а ныне – генерал-майор и начальник штаба Отдельного корпуса жандармов.

– Выйди-ка, я сам с ним поговорю, – велел он, и полусотник заспешил к выходу.

Хлопнула закрывшаяся за Григаладзе дверь, а Голубов, придерживая висевшую на боку шашку – нужна она ему не больше, чем вставная челюсть акуле, в ведь таскает, как и пистолет в кобуре – прошел за стол.

– Чего это ты тут делаешь? – спросил он, расположившись на месте Григаладзе.

– На должность оформляюсь, – через сжатые зубы отозвался Олег.

– Да? А Штилер, что, тебя выгнал? – Голубов засмеялся, хищно скаля крепкие зубы.

Волчьи, острые.

– Хм, не совсем.

– Да ты не темни, все равно ведь все узнаем, работа у нас такая, сам понимаешь, – Голубов наклонился вперед, опираясь на стол, Олег ощутил исходящий от темника запах крепкого табака. – Ну, говори?

– Переведен в «Наследие» по состоянию здоровья, ваше высокопревосходительство.

Последние два слова прозвучали достаточно выразительно, чтобы Голубов уловил насмешку.

– Сука ты, гад, – сказал он, – и всегда сукой был, даже в двадцать втором, и сукой глупой. Звали мы тебя к себе? Да, звали? А ты отказался, на Паука понадеялся, так вот что, он тебя и вышвырнул, как ты не нужен стал.

А Олег вспомнил тот день весной тридцать третьего, когда его пригласили в штаб-квартиру НД на улице Чингизидов, и там он имел беседу не только с Голубовым, бывшим тогда секретарем управления казачьих войск, но и с самим Ханом, с Резаком бек-Ханом Хаджиевым, отпрыском хивинских правителей, ставшим верным псом Партии народов России и ее вождя, главой боевых отрядов, Народной дружины.

Одинцову, тогда надворному советнику, предложили возглавить газету НД, «Черный тумен», уйти из министерства мировоззрения, получить более высокий чин, добавку к жалованию и красивый мундир.

Он отказался, причем не особенно тактично.

Хан воспринял это спокойно, а вот Голубов затаил злобу, и та, похоже, до сих пор не утихла.

– Будешь теперь бумажки тут перебирать, полюбуйся-ка, – продолжал темник, шевеля мясистым носом и багровея лицом – еще немного, и полетит слюна, а рука привычным жестом опустится на шашку.

Олег напрягся – нет, нельзя возражать, сил не хватит, чтобы спокойно и достойно ответить, а в хамстве Голубов всегда был силен.

Надо отвлечься, отвлечься... зачем вообще начальник штаба ОКЖ приперся на место взрыва, да еще так быстро? Хотя ехать тут недалеко, да и Штилер тоже явился посмотреть, что происходит, наверняка отменил полуденное совещание в министерстве... кого еще ждать, неужели самого Огневского?

– Слушай меня! – рявкнул Голубов, и хватил кулаком по столу, но уже без особого пыла. – Ладно, смотри... – он кашлянул, вытер рот тыльной стороной ладони, и продолжил спокойно. – Если чего, то это, я тебя сто лет знаю, ты меня знаешь, помогу, не дам тебе сгинуть в этом болоте.

Такого поворота Олег, честно говоря, не ожидал.

– Ладно, спасибо, – сказал он, думая, что в доброту жандарма, а тем более «опричника» поверит только глупец.

– Я распоряжусь, тебя отпустят, – заявил Голубов, поднимаясь из-за стола. – Отдыхай. Выглядишь ты паршиво, как собака побитая.

Олег глядел, как темник шагает по кабинету, подходит к двери, смотрел в его широкую спину, и тяжелые, полные неприязни и подозрений мысли подобно мельничным колесам вертелись в голове.

Прекрасным майским днем...

1

6 мая 1922 г.

Петроград

Обнаружив на очередном доме номерной знак с цифрой одиннадцать, Олег хмыкнул и покачал головой.

Строение выглядело обшарпанным и неуютным, могло похвастаться выбоинами на фасаде, и мутными, давно не мытыми стеклами. Все это смотрелось особенно мерзко на фоне обычного для Питера в начале мая серого неба и моросящего дождя, в окружении нормального пейзажа окраины столицы – луж и грязи, мусора на тротуарах, побитой временем мостовой.

А вот и вывеска «Клуб рабочего досуга», точно там, где раньше висела другая, намного более роскошная.

Одинцов приезжал сюда, на Балтийскую улицу, в шестнадцатом году, накануне сокрушившей старую империю революции, будучи совсем молодым журналистом, когда делал статью о Некрасовском отделении Всероссийского Александро-Невского братства трезвости, а точнее о церковной школе для девочек...

Отделение располагалось именно тут.

Позже, уже при республике, братство несколько обеднело, и продало здание фабрике товарищества российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник», ну а то устроило здесь клуб для рабочих.

Олега привело сюда приглашение, доставленное вчера в редакцию мальчишкой-курьером.

Там имелся адрес «Балтийская, 11» и уведомление, что в клубе состоится открытое собрание Партии народов России.

В Эртелевом переулке, где вот уже много лет располагалась редакция «Нового времени», об этой организации слышали, но знали мало, и поэтому отправили на мероприятие самого молодого обозревателя...

Олег вздохнул, вспоминая седую бородку клинышком Михаила Осиповича Меньшикова, его острый взгляд поверх пенсне и мягкий, полный важности баритон, произносящий «Вам, дорогой коллега, это будет полезно... и позвольте, как мне, например, показаться на сборище подобного калибра?».

Все верно... крошечная, базирующаяся в Москве, мало кому известная в столице партия, что не доживет, скорее всего, до следующих выборов в Земский Собор... появившись тут один из зубров-журналистов «Нового времени», старой, популярной и влиятельной газеты, что осмеливается полемизировать с самым всесильным президентом, графом Витте, это станет для ПНР отличной рекламой...

Ну а он хоть и сделал себе имя в питерской журналистике, все же пока не зубр, ведь, во-первых, не местный, во-вторых, не может похвастаться ни происхождением, ни образованием, а в-третьих, пробился сам, безо всяких покровителей.

Но ничего, может и из этого собрания удастся сделать интересный материал.

Олег вздохнул, и двинулся к крыльцу.

Внутри, за дверями, которые неплохо было бы покрасить еще лет пять назад, его ждал сюрприз. Дорогу загородили двое крепких небритых парней с мозолистыми кулаками –

по виду типичных работяг из Колпино или окрестностей Обуховского завода, вот только одетых необычайно чисто и с одинаковыми повязками на рукавах.

– Вы куда? – спросил один из них, могучий и белобрысый, со стрижкой ежиком.

– Хм, на собрание, я журналист... – ответил Олег, доставая редакционное удостоверение и одновременно пытаюсь разобрать, что изображено на полосах черной ткани: крест не крест, странная белая штукавина.

– А, у вас приглашение... проходите, – буркнул второй, пониже, но зато, похоже, более глазастый.

В этот момент Олега осенило – это же когтистые лапы хищной птицы!

Ничего себе символ!

И для чего... точнее от кого эти бугаи тут поставлены?

Хотя Нарвский район славится как вотчина левых, эсеры и эсдеки привыкли чувствовать себя тут хозяевами, так что на собрание чужаков вполне могут явиться решительно настроенные погромщики под красным флагом.

Еще двое парней с повязками встретили Олега у входа в лекционный зал, и проводили его внимательными взглядами. Выгляди он подозрительно, походи на сторонника Чернова или Троцкого, гостя наверняка обыскали бы на предмет оружия, листовок с марксистской пропагандой или хотя бы тухлых яиц...

Хотя по нынешним голодным временам тухлые яйца почти деликатес.

Внутри оказалосьлюдно, свободные места оставались только в последних рядах, у стены. Олег увидел нескольких знакомых – ему помахал Костя Орлов из «Русского слова», церемонно кивнул Соломонов из «Биржевки», а одетый с иголки обозреватель из «Русского знамени» показательно-надменно отвернулся в сторону.

Помнит тот день, когда «Новое время» утерло изданию доктора Дубровина нос.

Ну и пускай.

Взгляд Одинцова притянул крепыш, сидевший, закинув ноги на спинку стула впереди – красноносый и усатый, с нагайкой в руках, в казачьей офицерской форме без знаков отличия, как носят обычно бывшие фронтовики, не смилившиеся с тем, что война давно закончена, что она бездарно и бесповоротно проиграна.

Сняв фуражку, он погладил себя по макушке, а затем смачно харкнул прямо на пол.

И подобный типаж здесь не один – вон, прямо напротив кафедры сидит, гордо выпрямившись, некто похожий на гвардейского офицера, причем одного из кавалерийских полков, где до сих пор не могут поверить, что монархии и Романовых в России больше нет, что династия погубила себя и едва не угробила страну, в углу расположились, судя по шинелям, двое бывших нижних чинов, взгляды злые и настороженные.

– Прошу присаживаться, дамы и господа, мы начинаем, – заявил появившийся за кафедрой высокий брюнет с бородкой и усами.

Олег поспешно занял свободное место рядом с казаком, получил от того неприязненный взгляд, на что не обратил внимания – поработав несколько лет репортером в столице, ты либо сходишь с ума, либо обзаводишься толстой «шкуркой», позволяющей не чувствовать таких вот уколов.

По залу прошло короткое шуршание, и стало тихо.

– Я рад приветствовать и тех, кто идет с нами одной дорогой, и тех, кто пришел впервые, – сказал брюнет. – Для последних я должен представиться, меня зовут Николай Сергеевич Трубецкой, и я являюсь председателем Партии народов России...

Об этом человеке Олег вне всякого сомнения, слышал, и даже упоминал в одной из заметок – аристократ из древнего рода, племянник ректора Московского университета, лингвист и профессор.

Посмотрим, что он скажет, и ради чего вообще полез в политику.

Олег вытащил карандаш, пристроил на коленке блокнот.

Не очень удобно, но приходилось работать и в худших условиях, например в казармах Кронштадта или в штольнях Рускеалы, где вот уже несколько столетий добывают мрамор для украшения столицы...

– Сначала последуют выступления, а затем мы будем решать организационные вопросы, – продолжал Трубецкой. – Первым на правах председателя партии возьму слово я, и говорить буду в основном для тех, кто не имеет представления о том, какие задачи ставит перед собой Партия народов России.

Олег зевнул.

– Позиции, которые может занять каждый россиянин по отношению к национальному вопросу, многочисленны, но все они расположены между двумя крайними пределами: шовинизмом с одной и космополитизмом с другой... – начал Трубецкой, глядя куда-то поверх голов собравшихся, и время от времени заглядывая в лежащий перед ним конспект.

Говорил он гладко, умно, но как-то без души, и приходилось напрягаться, чтобы понять, о чем вообще речь – председатель ПНР излагал некое учение, названное им евразийством, и вроде бы предлагал всем народам Азии слиться в едином порыве и обратиться против агрессивной и злобной Европы...

– Россия-Евразия – страна наследница, – нудно вещал он. – Волею судеб ей приходилось наследовать традиции, возникшие первоначально в иных царствах и у иных племен, и сохранять преемство этих традиций даже тогда, когда породившие их царства и племена погибали, впадали в ничтожество и теряли традиции.

Усатый казачий офицер озадаченно чесал макушку, оживленно шушукались, едва не сталкиваясь лбами, две дамы в модных шляпках, непонятно каким ветром занесенные сюда, в углу кто-то похрапывал.

– Мы настаиваем на построении нового типа государства, так называемой идеократии, где правят не деньги, не титулы, а некое общее мировоззрение, мирозерцание, что объединит людей, составляющих правящий слой...

– Для нас государство в первую очередь – система взаимных обязательств, не только со стороны гражданина, но и вообще всех субъектов, его составляющих, начиная с самых верховных органов власти. Права тут имеют второстепенное значение, и о них нет смысла даже говорить, место прав занимают гарантии...

– Гарантийное государство, обеспечивающее достижение некоторых постоянных задач, является таким образом, государством с положительной миссией, и оно противопоставляется всем нам хорошо знакомому государству релятивистическому, не ставящему перед собой вообще никаких целей...

Олег сделал несколько пометок в блокноте – не для памяти, она ни разу в жизни его не подводила, не откажет и сегодня. Нет, он набросал соображения для будущей статьи, как все происходящее в клубе «Треугольника» описать и изложить, чтобы читателю, привыкшему к качественному продукту «Товарищества А. С. Суворина «Новое время», стало интересно.

Да, задачка не из простых, и как бы визит на Балтийскую улицу не оказался холостым... Сам Михаил Алексеевич, сын «старика», возглавляющий не только товарищество, но и редакцию, может запросто зарубить заметку, если не увидит в ней «потенциала», и сиди тогда, господин журналист, без денег.

А пора вносить плату за жилье, и сыну обновку покупать, и жена летние туфли требует... брр.

– Между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливаются отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжений

и симпатий... Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, чтобы каждый из народов Евразии признавал самого себя прежде всего как члена этого братства...

«Очень нудно и заузно, – подумал Олег. – Как такое осмыслить простому человеку?»

Похоже, ПНР и в самом деле партия-однодневка, мотылек, полетевший на пламя громадной свечи власти, чтобы сгореть в одночасье, не оставив следа – сколько таких видела Январская республика за пять лет существования, и сколько еще увидит за тот срок, что отведен ей свыше?

Тут Олег невольно поежился, по спине побежал холодок.

Никто не поручится, что созданный в январе семнадцатого режим просуществует долго, слишком уж хлипким он выглядит, несмотря на все усилия президента и его министров, слишком большую ненависть вызывает сам Витте... поговаривают, что лучше бы восстановить монархию, вернуть на трон Романовых, но не Николая Третьего, конечно, а кого-нибудь из находящихся сейчас за границей молодых великих князей, Кирилла Владимировича или Дмитрия Павловича.

И самое опасное, что подобные мысли бродят в гвардии, расквартированной по-старому, в столице и окрестностях.

Громогласно орут на всех углах о реставрации крайние правые во главе с Дубровиным, Марковым и Хвостовым, но мало того, еще мутят народ левые, обещают «свободу, равенство и братство», если только довести революцию до конца... и вот эти-то со своими оголтелыми вождями-фанатиками куда опаснее, и власть не в силах зажать им рты, или подавить глухое недовольство в крестьянстве и среди рабочих.

А если поднимутся и те, и другие, то кто их остановит?

Не армия, значительно уменьшенная по условиям Амстердамского мира.

И не гвардия, только и способная, что на дворцовые перевороты.

– На сем я имею честь закончить свое изложение, и благодарю вас за внимание, – Трубецкой поклонился, и был награжден жидкими аплодисментами.

С таким лидером ПНР мало чего светит.

Умен, вне всякого сомнения, но в практической политике интеллект мало чего значит, там куда важнее умение объединять и вести за собой людей, а также агрессивность, наглость и полное отсутствие морали.

Место Трубецкого занял плюгавый типчик в несвежем костюме, назвавшийся так неразборчиво, что Олег его фамилию не разобрал.

– Страна в опасности! Мы немедленно должны вернуть величие! Вернуть царя-богоносца! – принялся вопить он, размахивая руками, тараша сверкавшие безумным огнем глаза и брызгая слюной.

Казачий офицер вроде бы заинтересовался, дамы прекратили шушукаться, но затянулось и то, и другое ненадолго. Когда стало ясно, что ничего, кроме безумных воплей с монархически-реваншистским уклоном не предвидится, все вернулось на круги своя, и даже храп в углу стал громче.

На лице же отошедшего к стене Трубецкого Олег разглядел смущение и недовольство.

Выбравшийся на трибуну господин, скорее всего, был местным, питерским, и его речи о немедленной реставрации самодержавия в идеологию председателя партии вряд не вписывались... Провокатор, сумевший проникнуть на собрание, или, скорее всего, не проверенный до конца союзник, случайный попутчик, которому сегодня же дадут пинка под зад и отправят в сторону Союза Русского Народа или Союза Михаила Архангела, откуда плюгавый монархист, по всей вероятности, и явился.

И такие вот ничтожества попытаются доказать, что все будет хорошо, стоит только посадить на трон царя-батюшку, и что вернутся старые добрые времена, стабильные и благополучные... Только вот почему если эти времена были такими стабильными и благополучными,

они так внезапно закончились, а могущественнейшая империя мира, строившаяся три столетия, оказалась колоссом на глиняных ногах и рухнула в каких-то два года?

Брызганье слюной, к счастью, не затянулось надолго, и когда завершилось, Олег вздохнул с облегчением.

– Итак, прошу вас, еще одно выступление, – сказал вернувшийся на кафедру Трубецкой. – Павел Огневский...

В переднем ряду резко поднялся высокий, плотный мужчина с ярко-рыжими волосами, так подходящими к фамилии. Престарелый стул, помнивший еще времена общества трезвости, скрипнул, и этот звук прозвучал неожиданно громко и неприятно, вонзился в уши словно нож.

Через мгновение стало ясно, что Огневский прихрамывает, а когда он повернулся к аудитории, обнаружился выдающийся нос и глубоко посаженные глаза. Оратор оперся на кафедру, почти навалился на нее, обвел зал взглядом, и когда добрался до Олега, тому стало неловко, ощутил себя нанизанной на иголку мухой.

– Все мы родились в великой стране, – сказал рыжий почти шепотом, так что пришлось напрячь слух, дабы разобрать слова. – Многие из нас проливали кровь за эту страну, и я тоже.

Олег внезапно осознал, что ждет, чего же будет дальше, краем глаза заметил, что казачий офицер замер, позабыв в очередной раз погладить себя по макушке. Дамы в шляпках замолкли, уставились на оратора, стих даже храп в углу, и замершие у дверей крепкие парни с повязками на рукавах подтянулись, хотя никто не отдавал команды «смирно».

– И мы все хотим, чтобы наша страна, наша Россия вновь стала великой! – произнес Огневский немного громче, и эта фраза прозвучала уже в полной, абсолютной, давящей тишине. – Все мы унижены тем, что поднесла нам Европа на блюдечке, и все мы говорим – нет, мы не хотим этого!

Действительно, все, собравшиеся в этом зале, и аристократ Трубецкой, и последний работяга с питерской окраины, и сам Олег – все появились на свет в огромной империи, от которой после Амстердамского мира остался жалкий огрызок.

«Независимые» Польское королевство, Литовское королевство, Балтийское герцогство, Финляндское княжество и даже Украинское гетманство, и все это под протекторатом Германии и Австро-Венгрии, отторгнутые Сахалин и Порт-Артур, запрещение иметь флот на Тихом океане – об этом даже думать больно, и кулаки сжимаются сами!

Союзники, Англия и Франция, купили себе приемлемые условия, отдав Россию на закланье.

– И она станет великой, это я вам обещаю, если вы пойдете вместе с нами, вслед за нами! – тут Огневский ударил кулаком по кафедре, глаза его сверкнули, стало ясно, что голос его вовсе не слаб, что тихое начало было осознанным, то ли продуманным, то ли интуитивно подобранным трюком оратора, способом привлечь внимание.

Мгновение паузы.

– Россия – превыше всего, но Россия новая, не такая, к которой нас собираются вернуть! – оратор ткнул в сторону замершего у стенки плюгавого, и тот съежился, будто стал еще меньше. – Старому мы скажем – нет! Только новая Россия, Россия-Евразия имеет право на существование!

В возгласах Огневского звенели страсть и ярость, а глаза его метали молнии.

– Сплотимся, объединимся ради великого будущего, принесем себя в жертву ради него! – воскликнул он.

– Принесем! – крикнул кто-то из середины зала.

– Ура! Ура! – завопили со всех сторон.

Олег поймал себя на том, что ему тоже хочется вскочить, вскинуть руку вверх и завопить. Волна энтузиазма накрыла его с головой, едва не подбросила в воздух, и это его, опытного, прожженного журналиста!

Огневский говорил дальше, короткими фразами, и каждая словно вспыхивала в воздухе. Рубил воздух выброшенной вперед рукой, встряхивал курчавой шевелюрой цвета пламени, а по лицу его тек пот.

В один момент Одинцов осознал, что с трудом улавливает смысл речи, что воспринимает только ее эмоциональную составляющую – ненависть к врагам, поставившим Россию на колени, абсолютную уверенность в том, что их можно победить, агрессивную жажду действия, искреннюю веру в победу.

Сосредоточившись, он понял, что оратор на разные лады произносит одно и то же, но это почему-то никого не смущает.

Слушатели не отрывали взглядов от Огневского, многие вскочили на ноги и повторяли его жесты. Одна из дам сорвала с головы шляпку и размахивала ей, другую трясло, словно в лихорадке, крестьянского вида бородатый дядька у стены крестился и бил поклоны, на лице его читалось ошеломление.

– Проснемся и построим новую Россию! – выкрикнул оратор, и мгновенное просветление закончилось.

Олега вновь захлестнуло восторгом, уже не сдерживаясь, он поднялся со стула, и завопил вместе со всеми, в едином порыве, ощущая экстаз единения, растворения своего разумного и скептического «я» в могучем, объемном сознании массы, не знающем колебаний и страхов, не различающем полутонов и оттенков.

Есть черное и белое, зло и добро, и между первым и вторым лежит четкая граница.

Какое счастье вернуться в детские времена, когда все просто и однозначно, ясно и несомненно, когда надо лишь избегать дурного и делать то, что тебе говорит некто большой и знающий... вот этот высокий человек с рыжими волосами и громким голосом, так уверенно рассуждающий о том, как нужно действовать для того, чтобы они все могли поучаствовать в возрождении родной страны.

– Люди как листья, сегодня они зеленые, потом они желтеют, опадают и гниют, и вырастают новые листья. Но мы живем, мы в целом должны остаться, мы, Евразия, должны остаться, ведь мы понятие вечное, – говорил Огневский, и ритм его речи, жестов, мелодия слов, произносимых с едва заметным малороссийским акцентом, отключали мысли, оставляли лишь голые чувства. – Мы все должны снова научиться великодушию, мы должны снова стать бескорыстными, мы должны научиться жить без зависти... Новый дух оживет в русском народе и воздвигнет его на борьбу во славу Евразии, против романо-германского гегемонизма!

Вновь повышение голоса, легкое, едва заметное, но аудитория опять впадает в экстаз, уже все на ногах.

– Дорога, по которой народ должен идти, если хочет достичь величия, не легкая и не удобная, наоборот, это дорога непрекращающейся борьбы! Все на этой земле есть борьба! Поэтому буржуй, который правит нами сегодня, будет заменен воином, истинным борцом за свободу России-Евразии! Иного пути нет!

И магия этой речи была такова, что Олег почти видел развевающиеся над головой знамена, чувствовал тяжесть винтовки в руках и каски на голове... Да, он не воевал в германскую, повестка пришла слишком поздно, двадцать девятого мая, в тот день, когда было подписано соглашение о прекращении огня, но сейчас он готов!

Он отдаст все силы и даже жизнь этой борьбе, лишь бы оказаться причастным к исполнению великой задачи, к грандиозному обновлению, что охватит не только бывшую Российскую империю, но и весь мир!

Если надо, он оставит «Новое время», где неплохо платят...

Если надо, он бросит семью, несмотря на всю свою любовь к жене и сыну...

Если надо, он погибнет!

– И воистину уверовавшим, тем, кто не побоится отряхнуть с ног пепел прошлого, и пойти в будущее – слава! – Огневский вскинул руки над головой жестом триумфатора, только что получившего лавровый венок.

– Слава! – заревел зал в едином порыве так, что потолок затрясся, с него посыпалась побелка.

Олег сообразил, что обнимается с казачьим офицером, что от того зверски разит дешевым табаком, а усы скребут по щеке. Получил пару увесистых шлепков по спине, попытался отстраниться, и в этот момент наваждение закончилось.

Одинцова словно выдернули из радостного, парящего, полного сверкания мира в обыденный, он вернулся в зал с грязными стенами и заплеванным полом, и контраст ударил с такой силой, что он даже пошатнулся.

– Проклятье, – пробормотал Олег, пытаясь собраться с мыслями.

Произошло нечто удивительное.

Он слышал речи чуть ли не всех политиков Январской республики, прославленных ораторов любой ориентации и калибра, от Ульянова и Пуришкевича до Милюкова и Коковцова, но никогда не переживал ничего подобного... этот человек, сходящий сейчас с трибуны, говорил не по бумажке, скорее всего экспромтом, он не пользовался фактами, он изливал на слушателей содержимое собственного сердца, но при этом словно читал в их сердцах, и с легкостью фокусника, достающего из шляпы кролика, а из рукава – удава, извлекал оттуда страхи, тревоги и надежды, затаенные желания, а затем жонглировал ими, а заодно внушал собственные эмоции, куда более позитивные...

И что самое странное, они не рассеивались после того, как оратор замолкал.

Нет, Олег больше не ощущал почти религиозного экстаза, но никуда не исчезло желание отдать все силы родине, стать частичкой братства в духе, созданного не ради наживы, а для воплощения в жизнь колоссального, мессианского замысла!

Остались энтузиазм, уверенность в собственных силах и готовность пойти на жертву.

– Проклятье... – повторил он, думая, что поначалу ошибся, что с таким человеком во главе, как Огневский, ПНР может добиться многого.

Ноги после пережитого держали с трудом, и поэтому на стул опустился без особого изящества, скорее даже шлепнулся. Поднял свалившийся на пол блокнот, и поспешно выдрал страничку с сегодняшними заметками... то, что он готовил, совершенно не годится, надо будет написать по-иному, может быть, без холодного профессионализма, но зато искренне, от всей души.

И пусть Суворин-младший попробует «зарезать» этот материал!

– Прошу успокоиться, дамы и господа, прошу успокоиться! Иначе мы не сможем продолжать! – сказал Трубецкой, заняв место оратора, и только в этот момент Олег обратил внимание, что на стене позади кафедры висит странный флаг.

Черный, с золотой окантовкой и с обращенным вверх белым трезубцем.

Это еще что за штука? Символика ПНР? Или это помесили тут хозяева клуба?

Шум в зале стих не сразу, на то, чтобы навести порядок, понадобилось некоторое время. Вставшего на колени бородача подняли, одной из дам, решившей упасть в обморок, добыли сомнительной чистоты стакан с водой, крепыши с повязками вытолкали в зашей парня, начавшего выкрикивать марксистские лозунги.

– Сейчас желающие могут вступить в ряды нашей партии, а также сделать взносы в партийную кассу, – продолжил Трубецкой, и указал куда-то вбок, в том направлении, где Олег ничего не видел за чужими головами и спинами. – Вон там стоит стол, и Степан

Петрович готов выдавать расписки в получении сумм, которые будут потрачены на отделение ПНР в Петрограде, а также членские билеты, для получения которых необходимо заполнить небольшую анкету...

Он не успел договорить, как люди начали вскакивать с мест, самые шустрые устремились в сторону неведомого Степана Петровича... люди, еще недавно скучавшие или даже дремавшие под монотонное бубнение ораторов Партии народов России!

И все это сделал Огневский с его речью!

Казачий офицер решительно поднялся, огладил усы и, выпятив грудь, зашагал к формирующейся очереди.

– Прошу вас, вот бланки анкет! – донесся из шумного столпотворения тонкий голос. – Сначала заполняйте, а потом подходите, и сразу приготовьте первый взнос, пять тысяч! Желаящим внести пожертвование – вот необходимое заявление, все будет принято по закону...

Олег, один из немногих, остался на месте, его неожиданно охватили сомнения.

Вступить в малоизвестную партию, возглавляемую странными людьми вроде профессора-филолога Трубецкого и бывшего фронтовика Огневского? Связать себя с движением, что не собирается ограничиться борьбой за пару мест в Земском Соборе, а намерено ниспровергнуть существующий строй?

Потерять работу в «Новом времени» – там не потерпят ангажированного обозревателя?

Лишиться источника стабильного дохода?

И это после многих лет борьбы за место под солнцем, после того, чего он добился, приехав в Питер без гроша в кармане?

Или оставить все как есть, попытаться успокоиться, написать статью о сегодняшнем собрании? И никогда не простить себе того, что имел шанс повлиять на судьбу собственной страны, униженной и растоптанной, и не воспользовался им?

Вот уж нет, лучше остаться без денег, но с чистой совестью.

Олег встал со стула, и зашагал туда, где вокруг стола Степана Петровича крутился людской водоворот. И только легким помрачением, снизошедшим на Одинцова, можно объяснить, что он едва не налетел на усатого казачьего офицера, уже двигавшегося обратно с бумажкой в руке.

– Куда прешь, шляпа?! – хрипло рявкнул тот. – Сам понимаешь, сейчас я тебе!

– Прошу прощения, – сказал Олег. – Споткнулся.

– Ну ладно, – усач сбавил тон, стрельнув глазами в сторону замерших у стены крепейшей с нарукавными повязками. – Осади-ка, и все будет в порядке, это я тебе говорю... вот увидишь.

Степан Петрович оказался тощим молодым человеком в пенсне и жилетке.

Он тараторил тем самым тонким голосом, сноровисто орудовал пером, время от времени макая его в чернильницу, не забывал улыбаться, принимая деньги, а перед ним аккуратными пачками были разложены разные бланки.

Олег взял один, озаглавленный «Анкета», и вернулся обратно к своему стулу.

Так, фамилия-имя-отчество, год рождения... все понятно.

Место рождения и происхождение... непонятно, зачем оно партии, провозглашающей всеобщее евразийское братство?... ну да ладно, напишем, как есть – Нижний Новгород, из мещан...

Когда заполнял эту строчку, неожиданно вспомнился родной город, где не был семь лет – шумное торжище в Канавино, широкая Рождественская с ее церквями, бурые башни оседлавшего гряды холмов Кремля, водный простор там, где сливаются перед Стрелкой Волга и Ока. На мгновение ощутил, что перенесся туда, в лавку отца, в те времена, когда еще были живы родители... и усилием воли вернулся обратно.

Те годы сгинули, и нет смысла ворошить пережитое.

Как сказал Огневский – «нужно отряхнуть прах прошлого».

Так, что там дальше в анкете – род деятельности и место службы...

Хм, обозреватель, «Товарищество А. С. Суворина «Новое время»... можно смело писать, что бывший.

Дальше – семейное положение.

Ага, женат, сын Кирилл, семь лет.

Перед глазами встал образ Анны, такой, какой она была весной пятнадцатого, когда они только познакомились – стройная, с толстой русой косой через плечо, всегда готовая улыбнуться, рассмеяться, конфузливо прикрываясь ладошкой. Тогда все у них сладилось на удивление быстро, несмотря на сопротивление ее родителей – «как же, прилуда без жилья и занятия, приехал неведомо откуда, а мы – рабочая аристократия, наши деды Санкт-Петербург строили!» – сыграли свадьбу, а уже зимой, в сочельник, родился сын.

Но нет, и об этом вспоминать сейчас не стоит...

Судьбы родины важнее семьи, любви и домашнего уюта, мелких мещанских радостей!

Так, что дальше – отношение к воинской повинности, военный опыт (если есть)...

Похвастаться здесь нечем, сначала его не трогали как молодого отца, а потом оказалось поздно, хотя освидетельствование он проходил, был признан годным.

Так, и в самом низу – место пребывания.

Олег вписал адрес съемной квартиры в Пушкарском переулке, куда они с Анной переехали осенью, и поднял голову. Очередь желающих вступить в ПНР немного уменьшилась, и в самом ее конце оказался все тот же казачий офицер с нагайкой.

Да, похоже, что сегодня никуда не деться от этого неприятного типа.

Усач покосился неприязненно, но ничего не сказал, когда Олег занял место за ним.

– А вы не знаете, кто такой этот рыжий? – донесся оживленный женский шепот из очереди впереди.

Ну точно, обе дамы в модных шляпках были тут, и их платья и накидки выглядели странно среди полинявших гимнастеров, мятых пиджаков, рабочих блуз и давно не стиранных поддевок.

– Ну как же такого не знать? – так же негромко ответил юноша в студенческой куртке. – Павел Огневский, родом он из Малороссии, ныне стонущей под австрийским игом. Путешествовал, воевал, боролся за независимость родины, и вынужден был бежать из гетманства в республику...

– Ах, как романтично! – воскликнула та дама, что повыше, с русыми волосами.

– Ох! – поддержала ее подруга-брюнетка, кокетливо поправляя выбившуюся из прически прядь.

Казак неразборчиво выругался через сжатые зубы, и в этот момент Олег готов был его поддержать.

Очередь сократилась человек до пяти, зал почти опустел, когда мимо неожиданно прошел Огневский. Дамы уставились на него влюбленными глазами, он же не обратил на них внимания, прохромал в сторону выхода.

Дело понемногу дошло до казачьего офицера.

– Голубов, подьесаул запаса, – отрекомендовался тот, подавая анкету.

– Очень хорошо, очень хорошо, – отозвался Степан Петрович, не поднимая головы. – Прошу вас, деньги кладите вот сюда, сейчас выпишем вам членский билет...

Когда-то пять тысяч рублей были огромной суммой.

Потом пришел ужасный семнадцатый год, когда надежные, обеспеченные золотом кредитные билеты стали просто бумажками, когда зарплату, исчислявшуюся миллионами

и миллиардами, выдавали в мешках, а цены росли так, что к вечеру десяток яиц стоил раза в полтора больше, чем утром.

Витте сумел остановить инфляцию, убрал лишние нули, но все равно пять тысяч сейчас все равно что императорский рубль.

– Так, поздравляю вас, теперь вы один из нас, и о следующем собрании будете уведомлены, – Степан Петрович вручил подъесаулу Голубову членский билет, пожал широкую казачью ладонь. – Следующий.

Олег протянул анкету, и в это время к столу, за которым записывали новичков, подошел Трубецкой.

– Так, прошу прощения, кто тут у нас? – спросил он. – А, журналист? «Новое время»? В глазах князя, председателя ПНР блеснул интерес.

– Мы собираемся издавать свою газету в Петрограде, – продолжил он. – Нам нужны кадры. Сами понимаете, что платить много мы не сможем, но ведь главное для всех нас не деньги, а идея, евразийское будущее нашей родины...

– Как она будет называться? – спросил Олег, ощущая легкое головокружение.

Похоже, он сделал тот самый шаг, принял то решение, после которого пути назад нет, и остается двигаться только вперед... Прощай, Эртелев переулок, прощай, Михаил Осипович Меньшиков, регулярные визиты в кассу за жалованием... здравствуй, новая жизнь... какая?

– «Новая Россия», – сказал Трубецкой. – Но это вопрос еще окончательно не решенный.

В князе чувствовался ум, он выглядел человеком решительным и уверенным в себе, но все это проявлялось при общении один на один, как оратор он совершенно терялся на фоне рыжего, курчавого малоросса, ветерана войны.

Если дело так пойдет, то скоро у ПНР будет новый лидер.

В это верилось очень легко, как и в то, что это лидер сумеет что-то сделать для страны, а может быть, чем черт не шутит, вновь превратить Россию в богатую, могущественную и великую державу, реальную силу на мировой карте.

– Хорошо, я согласен, – сказал Олег. – Как определитесь, дайте мне знать.

Трубецкой улыбнулся:

– Да, несомненно.

– Вот ваш билет, членский номер тысяча сто пятнадцать, – подал голос Степан Петрович. – Поздравляю!

Олег взял протянутую ему бумажку, украшенную все тем же белым трезубцем в черном прямоугольнике. Губы сами собой раздвинулись в улыбке, возникла мысль, что нужно что-то сказать, может быть торжественное, подходящее к случаю, но слова, чуть ли не впервые в жизни, не шли на язык.

– Хм... ну, э... я рад, – только и выдавил он, после чего неожиданно смутился.

Опустив голову, точно нашкодивший пацан, он развернулся и зашагал к двери, мимо охранявших ее крепышей с нарукавными повязками. Только в вестибюле осознал, что зверски, до дрожи в руках хочет курить, а на крыльце столкнулся со смолившим папиросу Голубовым.

Тот отшвырнул окурок, смерил Одинцова неприязненным взглядом, и затопал прочь.

Доставая сигарету, Олег глядел, как подъесаул шагает по грязной улице, смотрел в его широкую спину, и тяжелые, полные неприязни и подозрений мысли подобно мельничным колесам вертелись в голове.

Под хмурым небом осени

2

27 сентября 1938 г.

Казань

В не такой уж большой комнате места хватало для трех письменных столов, вдоль стен выстроились огромные, под потолок шкафы, забитые папками. Два окна позволяли видеть покрытую шифером крышу дома, расположенного на другой стороне улицы, и нависающее над Казанью серое одеяло облаков.

– Вот, Олег Николаевич, здесь и будете работать, да-с, со мной и Петром Петровичем, – Николай Филиппович Степанов, заведующий специальным сектором «Наследия», немного конфузился, и неудивительно – его новый подчиненный был по чину выше собственного начальника. – Остальных коллег я вам представил, Петр Петрович мой заместитель, он сейчас в командировке в Петрограде, роется там в архивах. Располагайтесь пока, почувствуйте себя как дома. Оформили все тут, как полагается, да-с.

– Спасибо, – сказал Олег, разглядывая доставшийся ему стол, массивный, с толстыми ножками и большими ящиками.

Да уж, «оформили» в самом деле – чернильница на месте, пачка чистой бумаги, набор перьев, и даже лампа – с зеленым абажуром и выточенной из какого-каменя подставкой в виде склонившего голову белого медведя.

– Позвольте, ради Бога, оставлю вас на минуточку, – Степанов сладко заулыбался и вышел из комнаты.

Невысокий и стройный, манерами и речью он напоминал православного батюшку, по недоразумению сбритшего бороду и снявшего рясу, но при этом был не только серьезным ученым, исследователем масонства, а наверняка еще и опытным административным волком – другой бы никогда не добрался до такого теплого местечка.

Олег еще раз окинул комнату взглядом.

Значит, вот в этих стенах ему и предстоит провести ближайшее время – специальный сектор «Наследия», института изучения евразийской истории, созданного по личной инициативе министра мировоззрения.

Занимаются в секторе всякими мистиками, сектантами и прочими сумасшедшими...

Висевший на стене радиоприемник «Мир», самой дешевой, «народной» модели, стоявший пятнадцать новых рублей, неожиданно квакнул и ожил, затопив комнату пронзительными голосами фанфар.

– Внимание-внимание, говорит Евразия! – объявил торжественный мощный голос.

Олег помимо воли улыбнулся – он слишком хорошо знал, кто сидит за микрофоном, сам в свое время сидел в жюри конкурса, отбирившего дикторов, прослушивал претендентов, читал их личные дела, и даже участвовал в их обучении.

Мелодию, открывавшую выпуск новостей, готовили и записывали очень тщательно, проверяли варианты на разных аудиториях, откинули чуть ли не дюжину вариантов. С хронометрами в руках высчитывали, сколько секунд должно пройти между фанфарами и призывом к вниманию, прогнозировали, какое время нужно слушателям, чтобы собраться вокруг приемников, сколько раз нужно повторить победные голоса труб...

И вот результат, продуманный, взвешенный, тщательно приготовленный.

Олег почувствовал даже что-то вроде гордости – он тоже немало потрудился ради того, чтобы сделать радиовещание страны таким, каким оно стало, убедительным и эффективным.

– Чрезвычайный выпуск новостей с фронтов освободительной борьбы! – продолжил Юрий Левитан, обладатель уникального баритона, ставшего настоящим оружием империи, более ценным, чем танковая дивизия.

О да, слово «война» не должно применяться, оно слишком пугающее, чересчур негативно действует на слушателей. Нужно использовать термины «экспедиция», «операция», «борьба», «поход» – они внушают доверие, звучат убедительно и позволяют, не искажая истины, преуменьшить масштаб конфликта.

– В районах Хаш и Нехбандан произошли столкновения с английскими войсками, и наши доблестные воины заставили врага отступить, его потери составляют по приблизительным оценкам...

О собственных убитых лучше не упоминать, а в остальном следует описывать события без прикрас и интерпретаций.

Народ должен думать следующим образом – нам подаются факты, и ничего, кроме фактов, которые говорят сами за себя, а значит, дело обстоит именно таким образом, как нам рассказывают. Ну а, кроме того, точность донесений с театров военных действий влияет на противника и на нейтралов, в обязательном порядке слушающих то, что там вещают эти русские.

К концу войны тридцать пятого – тридцать шестого, третьей германской, новостям из Казани, судя по сообщениям из Вашингтона и Токио, Вены и Парижа, верили больше, чем сводкам германского генерального штаба, и, более того, то, что говорили по евразийскому радио и писали в евразийских газетах сегодня, обнаруживалось в немецких источниках через два-три дня, да еще и в намного менее подробном варианте!

«Правда – куда более эффективная штука, чем ложь, особенно если она нам выгодна, – говорил Штилер на министерских совещаниях, по обыкновению постукивая карандашом по столу. – Так что не бойтесь использовать ее».

Успехи, которых можно добиться с помощью лжи, всегда краткосрочны, и в конечном итоге приносят больше вреда, чем пользы, так что грубая фальшь – злейший враг успешной пропаганды, рассчитанной на длительное время. К тому же прямую ложь всегда можно опровергнуть, тем или путем добравшись до фактов, а их скрыть не всегда просто.

Ну а правда, иногда чуть-чуть подкорректированная – другое дело...

– Масштабный бой с участием военно-морских сил произошел в Эгейском море, между островами Аморгос и Тира! – вещал Левитан. – Западные агрессоры получили серьезный отпор и их планы в Восточном Средиземноморье оказались сорваны!

Хм, странно, ограничились коротким сообщением, даже потерь противника не упомянули, а это, скорее всего, значит, что схватка закончилась вовсе не в нашу пользу, и похвастаться, откровенно говоря, нечем.

– На Николаевском судоремонтном заводе на воду спущен линейный корабль «Субэдэй»! Ему предстоит стать флагманом нового флота, флота Индийского океана!

Олег представил, как черное с белым и золотым знамя взвилось над громадной стальной тушей, оцетинившейся жерлами орудий, экипаж отдал честь, а оркестр грянул гимн империи. Только вот трудно будет линкору, получившему имя одного из полководцев Чингисхана, добраться до порта базирования – путь до иранских берегов долог, и почти во всех морях господствуют английские и французские эскадры.

– Прослушайте репортаж от нашего корреспондента Ивана Белова, находящегося в горах Хорасана, где доблестные кубанские и донские пластуны противостоят коварному врагу!

Репортаж записан вчера или даже позавчера, но смонтирован так, чтобы слушатель верил, что корреспондент выходит в эфир прямо из окопа, и что над головой у него прямо сейчас свистят настоящие пули, а вдалеке звучат разрывы гранат и снарядов.

Такие штуки начали делать еще во время войны с японцами, когда министерство мировоззрения было только-только создано – репортаж с артиллерийской позиции, с подводной лодки типа «Щука», крейсирующей в Японском море, с аэродрома и чуть ли не с борта бомбардировщика Особого авиационного флота стратегического резерва...

Репортажи эти имели бешеный успех у слушателей, а о том, чтобы слушателей стало как можно больше, Штилер тоже позаботился. Именно с его подачи был налажен выпуск таких вот «народных», дешевых радиоприемников, чтобы новости и речи вождя пришли в каждый дом, в каждую контору и завод.

А заодно, чтобы народ не имел возможности слушать зарубежные радиостанции, даже в приграничных губерниях – малой чувствительности этого прибора едва хватало, чтобы ловить то, что транслировалось в пределах империи.

Корреспондент Белов вещал что-то на фоне вполне натуральных звуков близкого боя, на вопросы отвечал басистый подьесаул, но Олег больше не слушал – он по минутам мог рассказать, что будет дальше, и не только в выпуске военных новостей, что закончится еще одним громом фанфар, а вообще в течение дня и даже всей недели.

Утренний «Час молодежи»...

«Музыка и танцы на предприятии» в полдень...

Вечерний тематический цикл «Крестьянство и страна», предназначенный для сельского населения...

«Духовная беседа» по воскресеньям, где прикормленный министерством батюшка, целый епископ, вещает о том, что долг истинного христианина состоит в повиновении власти, и что евразийское учение есть боговдохновенное...

«Веселые минуты на работе и дома» каждый час...

«Слово предоставляется партии» в самое лучшее время, когда люди в большинстве своем находятся дома, собираются у приемников, и уже достаточно устали за день, чтобы не вдумываться в то, что им говорят.

Ну а в праздники, в День Поминовения, приходящийся на дату смерти Чингисхана, в День Нации, первого мая, и в День Воссоединения, в ноябре, ее заменяет «Слово вождя», и речи Огневского гремят в тысячах динамиков, воспаляя сердца, разжигая патриотизм, укрепляя волю к борьбе... и затуманивая мозги.

Последний, самый длинный выпуск новостей, длящийся чуть ли не двадцать минут, с приглашенными комментаторами-специалистами из МИДа, армии, флота и иногда даже от корпуса жандармов.

Никакой импровизации, подробный, тщательно составленный документ, озаглавленный «Программа радости и единения народов империи», что был принят отделом общей пропаганды шестого марта тридцать второго года, и с тех пор неукоснительно проводится в жизнь на всех радиостанциях огромной страны.

Все в его рамках, все знакомо и предсказуемо, как траектория падения кирпича.

В санатории у него был приемник, но за все эти месяцы Олег не включал его ни разу.

– Чего это радио как орет? – спросил Степанов, входя в комнату.

– Не знаю, я его не включал, – отозвался Одинцов.

Заведующий специальным сектором убавил звук до минимума, и, посмотрел на Олега, потирая руки:

– Ну что же, приступим, да-с. Введу вас в курс дела, покажу, чем будете заниматься. Присаживайтесь.

Олег послушно уселся за свой стол – кресло ему подобрали мягкое, удобное, с изогнутыми широкими подлокотниками.

– Главное дело для нас в данный момент – довести до ума, упорядочить картотеку, – Степанов прошел к одному из шкафов, открыл дверцу, и вытащил толстую картонную

папку. – Дело тринадцать дробь тридцать шесть имеется, а карточка к нему не заполнена. Бардак, да-с. Сейчас достану чистую...

Папка, украшенная сверху озвученным номером, плюхнулась на стол перед Олегом.

Степанов же полез в другой шкаф, вытащил сначала лист белого картона стандартного размера, а за ним – аккуратно сложенный прямоугольный кусок черной ткани с желтой каймой.

– О, надо же, флаг... – на него заведующий сектором уставился с некоторым недоумением. – Он у нас тут на всякий случай, вдруг какое начальство пожалует.

Государственный стяг оказался убран на место, а картонка – торжественно вручена Олегу.

– Тут все разграфлено, пронумеровано и подписано, – принялся объяснять Степанов. – Ваша задача – брать информацию из дела, и вносить в карточку, чтобы у нас была, так сказать, информационная выжимка.

«Работа, достойная обычного писаря» – с горечью подумал Олег.

Прав был проклятый Голубов, его и в самом деле вышвырнули, избавились от потерявшего ценность сотрудника. Засунули туда, где он будет до самой пенсии «перебирать бумажки», ладно хоть еще содержание положили неплохое, пусть не по чину, и не такое, как было раньше, в отделе общей пропаганды.

– Вот, смотрите, само дело посвящено Российскому Теософскому обществу, – рассказывал Степанов, роясь в папке. – Учредительное собрание его случилось семнадцатого ноября девятьсот восьмого, так что первые документы тут еще из архива санкт-петербургского губернского жандармского управления. Название и дату основания организации заносите вот сюда, – он ткнул длинным белым пальцем в графу в левом верхнем углу карточки, – имя руководителя, в данном случае это председатель РТО Анна Алексеевна Каменская, представляете рядом... ниже записываете имена остальных руководителей вплоть до нынешнего, Нины Михайловны Ронжиной, и если есть, то даты – кто когда правил, если можно так выразиться.

– Так что, это РТО существует до сих пор?

Степанов улыбнулся, зевнул, не забыв осенить рот крестным знаменем, после чего ответил:

– Если верить нашим коллегам из управления имперской безопасности, то да, существует.

От слова «коллеги» Олега покорило, и заведующий сектором это заметил.

– Что же вы ежитесь? – спросил он. – Как сказано в Писании, нет власти, что не Бога. Творения Всевышнего мы все, и государство тоже создано не иначе как по высшему промыслу. Посему обязанность каждого истинного христианина – повиноваться поставленному над ним «кесарю» и выполнять свой долг со всем возможным смирением и прилежанием.

Говорил Степанов с воодушевлением, чувствовалось, что сам в это верит.

– Дело всех, кто впустил в свое сердце боговдохновенную идею евразийства, есть общее дело, – тут Олегу показалось, что он сидит у радиоприемника и слушает «Духовную беседу», причем не самую удачную. – И совершенно неважно, носим мы погоны или гражданский пиджак, наша святая обязанность – раскрывать и обезвреживать идеологического противника, а наш с вами конкретно долг связан с теми недругами, что прячутся в мистических орденах, масонских ложах и тому подобных вредоносных, пагубных, самим Дьяволом вдохновленных организациях, да-с, – тут заведующий сектором сообразил, что его понесло, и что разглагольствует он перед опытным пропагандистом, перед тем, кто меньше всего нуждается в лекциях подобного рода. – Извините, я несколько увлекся.

– Ничего, – сказал Олег, глядя в сторону.

Его выкинули, точно ослепшую лошадь, больше не способную носить на себе всадника. Приставили туда, где он будет приносить хоть какую-то пользу, как того же бывшего гордого скакуна привязывают на мельнице, чтобы он ходил по кругу, вращая жернова и при этом медленно подыхая от изнурения.

Но зачем тогда понадобилось Штилеру личным распоряжением выдергивать своего бывшего сотрудника из Крыма? Он вполне мог еще месяц провести в «Родине», подлечиться окончательно, поправить здоровье, вернуть былые кондиции.

Ну нет, лгать себе не стоит...

Главная заповедь любого пропагандиста – других обманывай, но сам всегда смотри правде в лицо, иначе ты рискуешь запутаться в тенетах фальши, и сам сделаешься как фальшивый колокольчик из фольги, чей голос никто не услышит.

Ему никогда не стать таким, каким он был до того проклятого майского дня.

– Да, да, вернемся, так сказать, к нашим теософским баранам... – Степанов заговорил с наигранной бодростью. – Вот сюда заносите всех лиц, в разные годы состоявших в данной организации, для РТО список будет длинный... из всех-всех документов его собираете... госпожа Львова, скрипач Лесман... Гельмбольдт, это из Петрограда, а есть еще и из Москвы, вот полюбуйтесь, в этом донесении они перечислены... Герье, она возглавляла московское отделение, структура фиксируется вот здесь... калужское, киевское, ростовское... В дальнейшем, как за другие дела приметесь, будете в них отсылки к РТО находить, это значит, что карточку тринадцать дробь тридцать шесть надо доставать и пополнять, а все, что из этого дела к другим может относиться, лучше сразу отдельно фиксируйте... Вот, есть ниже особая графа – «Смежные организации». Например, смотрите, протокол допроса Андрея Бугаева, более известного как поэт Андрей Белый, он у нас тоже теософ, ха-ха...

На физиономии заведующего сектором играла самодовольная улыбка.

«Боже, куда я попал? – подумал Олег, без особого успеха борясь с отвращением, что поднималось из глубин души подобно мути со дна потревоженного ногами купальщиков водоема. – Протоколы допросов, досье и мерзкие тайны. Это же еще одна полиция, даже хуже, что-то вроде спецслужбы по надзору за тайными обществами... почему ее не подчинили Ованесяну?»

Хотя вполне могло быть так, что в ведомстве вождя безопасности империи, командира ОКЖ имелся какой-нибудь отдел или сектор, в свою очередь занимающийся оккультистами и теософами. Вот только мир, лежащий за пределами черного государства, «опричины» Хаджиева о существовании этого подразделения в НД не знал.

– Умерших необходимо отмечать отдельно, – продолжал пояснения Степанов. – Крестиком. Интересуют они нас куда меньше живых...

Олег слушал вполуха, зная, что память все зафиксирует, а сам думал о своем.

Зачем, ради чего он пахал все эти годы, забывая об отдыхе, о семье, вообще обо всем? Чтобы оказаться в подчинении вот у этого сладкоголосого специалиста по масонам, заполнять карточки и сидеть в пыльной конторе?

Может быть, стоило когда-то давно отказаться, соскочить с ленты несущегося со страшной скоростью конвейера, где не только ты сам собираешь конструкции из слов, мыслей и образов, но при этом еще и разбирают тебя самого, понемногу, по кусочку вынимая из души способность радоваться жизни, расслабляться, сопереживать, даже любить...

Может быть, тогда и Анна не ушла бы от него? И Кирилл остался жив?

При воспоминании о сыне стало так плохо, что на мгновение помутилось перед глазами, голос Степанова истончился, превратился в комариный писк, а когда вернулся, то выяснилось, что заведующий сектором спрашивает:

– Что с вами? Вы так бледны?

– Все в порядке... – отозвался Олег, напрягая все силы, чтобы голос звучал более-менее нормально.

– Может быть, врача?

– Нет, врач мне не поможет.

Врачи и так сделали все, что было в их силах, и теперь надежда только на время и на собственное тело... прежним ему не стать, но есть надежда на то, что хотя бы вернутся силы, уйдут приступы и восстановится нога.

– Ну, как знаете, – Степанов покачал головой. – Если все понятно, то приступайте. Возникнут вопросы – обращайтесь, буду рад помочь. Как карточка будет готова, покажете. Проверим все, а затем отнесем в канцелярию, чтобы Лидочка все перепечатала набело.

– Хорошо, – Олег подвинул к себе папку – какова бы ни была его новая работа, ее нужно делать, и делать хорошо, и не потому, что заставляют или это кому-то нужно, а ради того, чтобы уважать себя самого.

Как выразился заведующий сектором – наша святая обязанность – раскрывать и обезвреживать идеологического противника? Выходит, что статский советник Одинцов теперь стал ничуть не лучше, чем любой из презираемых им сыщиков ОКЖ, а то еще и хуже...

Он погрузился в дело тринадцать дробь тридцать шесть с головой, чтобы заставить себя забыть обо всем, о родных и друзьях, о бывшей работе, о самом себе и о том, что происходило с ним в последнее время.

Взять лист, просмотреть, вычленив нужное, записать...

Работа для пока не изобретенного механизма, и он сам должен стать таким механизмом, холодным и спокойным, не знающим, что такое душевная боль, сомнения, волнение, гнев и отвращение.

Работа для обычного клерка...

Хотя нет, не совсем так, в папке попадались документы времен уже Вечной Империи, отпечатанные на розовой бумаге – чтобы иметь право читать подобные, нужно получить высшую степень допуска, а это не так просто, сначала тебя проверяет шестое делопроизводство департамента полиции, затем управление имперской безопасности, и под конец личный отдел секретариата партии.

Организация со скромным названием, но с такой репутацией, что возглавлявшего ее Александра Щербакова именовали «серым кардиналом ПНР». По слухам, его опасался сам Хан, и бесстрашные, победоносные генералы во главе с Тухачевским вздрагивали, слыша это имя.

Работа понемногу двигалась, Степанов входил и выходил, говорил по служебному телефону, пару раз к нему заходили люди. За окном вороны, похожие на крохотные военные самолеты черного цвета, чертили круги на фоне серого, безрадостного неба.

– Ну что, коллега, – сказал заведующий сектором в один момент, и Олег не сразу понял, что обращаются к нему – как раз заносил в графу «Смежные организации» сведения о питерском отделении «Ордена звезды на востоке». – Два часа, самое время для того, чтобы слегка перекусить, да-с. Приглашаю вас присоединиться ко мне – мы с коллегами собираемся по-товарищески, чай гоняем.

– Но я же не... – начал Олег.

– Деньги Лидочке на это дело сдаем раз в месяц, по двадцать рублей, но вы не беспокойтесь, – Степанов улыбнулся и махнул рукой, показывая, что догадывается о причине смущения собеседника. – С первого же жалования отдадите, а пока будете нашим гостем. Хорошо?

– Как скажете, – Олег вздохнул.

Чай накрывали в канцелярии, вотчине упомянутой уже Лидочки, рыжей барышни лет тридцати, числившейся секретарем сектора. За отгороженной шкафами частью помеще-

ния располагался стол, покрытый цветастой скатертью, на нем были расставлены чашки, тарелки, вазочки, имелся даже самовар.

В воздухе витал запах чайной заварки и свежей сдобы.

Степанов и Олег пришли последними, когда все стулья, кроме двух, оказались заняты.

– Теперь нас стало больше, – сказал заведующий сектором, – надо добыть еще один... Располагайтесь пока на месте Петра Петровича.

Одинцов без аппетита грыз баранку, осторожно прихлебывал горячий чай, и исподтишка рассматривал людей, с которыми ему предстояло работать. Степанов был намного старше всех без исключения подчиненных, все они, похоже, не так давно покинули студенческую скамью и наверняка чем-то проявили себя в науке... ведь за что-то же их взяли в «Наследие», да еще и в такое специфическое подразделение?

– Народу у нас немного, – сказал Степанов, заметив, должно быть, изучающие взгляды Олега. – В других секторах куда больше, в археологическом чуть ли не сотня, и не меньше у идеологов, у Вернадского.

– Но зато пользы от нас куда больше, – буркнул розовощекий молодой человек с шапкой черных волос. – Чем они там занимаются, воду в ступе толкут, и это когда наша евразийская родина в опасности!

– В какой же она опасности? – сказал рыжий, крепкий парень, деловито резавший колбасу. – Навалием мы им всем, как и в прошлый раз навалили, и в позапрошлый, как всегда, вот увидите! Неужели есть в мире армия, что способна сравниться с нашей, а? Ни за что не поверю!

Олегу стало неловко – то, что для него было пропагандистским клише, инструментом, для этих вот молодых интеллектуалов являлось истиной, жизненным фактом... надо же, «евразийская родина», он и не думал никогда, что кто-то может употребить подобное словосочетание в обычном разговоре, безо всякой рисовки.

– Болтаете много, ребята, да-с, – Степанов нахмурился с показательной строгостью. – Придет в институт разнарядка на призыв, так я в эту самую несравненную армию вас и отправлю.

– Не придет, у нас же бронь, – возразил кто-то, но прозвучало это не очень уверенно.

– Может и прийти, – заметил молчавший до сих пор сосед Олега по столу, низкорослый, но очень широкоплечий. – Вон, у меня брата двоюродного призвали, а у него тоже вроде бы бронь была, только партийная, но ведь она не хуже нашей. А кто знает, сколько эта война продлится, вон, Штаты к Антиевразийскому пакту присоединились, что, если и они среди наших врагов окажутся?

– Ну, ты загнул, Борис, – рыжий скривился. – Тебя-то вот за такие речи как раз...

«В фильтрационный лагерь» – закончил про себя фразу Олег.

В заведении подобного рода, подчинявшиеся ведомству Хана, обычно попадали болтуны, не умеющие держать язык за зубами.

– Если кого из нас и призывать, то это Николая Филипповича, – поспешно гася конфликт, вмешался пухлый юноша с похожей на мочалку бородкой, вряд ли украшавшей округлый подбородок. – Он у нас самый воинственный, и пистолет в столе держит, и вообще с опытом...

– Все-то вы знаете, – с улыбкой проворчал Степанов, и, повернувшись к Олегу, пояснил. – Как-никак Пажеский корпус, Николаевское кавалерийское училище за спиной, и два года на фронте, еще на первой германской.

Честно говоря, на бывшего военного заведующий сектором походил мало.

– Хм, понятно, – сказал Олег, и попытался улыбнуться в ответ, но вышло у него не очень удачно.

– А ты, Борис, язык придержи, – широкоплечему достался сердитый взгляд начальника. – Незаменимых у нас нет, сам понимаешь, ты хоть и герой освоения Севера, и писатель, место твое пустовать не будет.

«Юркевич» – вспомнил Олег фамилию мрачно потупившегося соседа.

Из памяти всплыли строчки когда-то читанной заметки... молодой и талантливый автор, уроженец города Златоуста Уфимской губернии... пишет под псевдонимом «Борис Норд»... его книги «Льды и люди», «Семнадцать миллионов собачьих шагов» пользуются заслуженным успехом у читателей... подающий надежды историк, последователь научной школы...

Странно, что они никогда раньше не сталкивались, хотя бы в ведомстве Эренбурга, в имперской палате культуры. Олегу приходилось там бывать, а уж «молодой и талантливый автор» просто обязан был посещать расположенное у озера Нижний Кабан учреждение!

Разговор за столом свернул на продовольственные карточки, введенные два дня назад «в интересах победы», как было написано в соответствующем указе. Коснулись они не всех продуктов, в основном алкоголя и всяких дорогостоящих вещей вроде икры, шоколада, южных фруктов.

– Это что, я теперь захочу пива выпить, мне с собой в трактир карточку эту брать? – горячился рыжий. – А если у меня карточки кончатся, мне его, что, не продадут, не нальют лишнюю кружечку?

– Указ вроде бы только крепкого касается... – начал было Степанов, но его прервал звонивший за шкафами телефон.

– Да? – сказала Лидочка. – Да, он здесь, сию секунду... Николай Филиппович, вас! Приемная директора.

– Прошу простить, – заведующий сектором поднялся, торопливо вытащил салфетку из#за ворота.

Разговор оказался недолгим, через минуту Степанов вернулся, и к удивлению Олега, поманил того пальцем:

– Андрей Евгеньевич вас вызывает к себе, просит прибыть немедленно.

– Да, хорошо, – Одинцов встал. – Как думаете, зачем?

– Не могу знать, но полагаю, что хочет познакомиться с новым сотрудником, – Степанов развел руками. – Есть у него такое обыкновение, когда дело касается, если можно так сказать, личностей неординарных, а вы ведь пришли к нам, честно говоря, не совсем обыкновенным образом.

Ну да, точно, не каждый день в «Наследие» переводят статских советников из отдела общей пропаганды.

– Кабинет его знаете, где находится? – поинтересовался Степанов.

Олег кивнул:

– Да.

«Логово» директора «Наследия» располагалось в другом конце здания, так что неровные шаги, сопровождаемые стуком палки, прозвучали сначала на одной лестнице, затем раздались в длинном коридоре, а затем огласили другую лестницу, парадную и роскошную, со ступеньками из мрамора, красным ковром и широкими перилами.

В приемной Олега встретил секретарь, подтянутый и моложавый, хотя вовсе не молодой.

– Вас ждут, проходите, – сказал он, и распахнул тяжелую дверь из красного дерева.

Кабинет Снесарева оказался велик и солиден, под стать хозяину – панели из светлого дерева на стенах, кадка с необычным растением в углу: фиолетовые листья, светлая кора, явно что-то экзотическое, стол, достойный большого чиновника, и неизбежный портрет главы государства на стене.

Огневский смотрел, как всегда, пристально, с напором, и казалось, что ноздри его раздуваются от ярости, что сейчас он раскроет рот и раздастся знакомый всей стране голос.

– Олег Николаевич, заходите, – Снесарев кивнул, на губах его появилась мягкая улыбка. – Присаживайтесь. Надеюсь, что наша встреча состоится несколько раньше, но сами знаете, непредвиденные обстоятельства.

Еще бы, в связи с тем взрывом у директора наверняка прибавилось дел, и ведь уже сегодня проходная выглядит так, словно ничего и не было пять дней назад, разве что вахтер сидит другой. В связи с этим вышла задержка с оформлением – приказ о зачислении Олега оказался подписан только вчера, а первый рабочий день начался сегодня.

– Я понимаю, ваше превосходительство, – он сел, палку прислонил к столу.

Снесарев, в отличие от заведующего специальным сектором, выглядел тем, кем был – военный географ, объехавший половину Азии, дослужившийся до генерала, профессор и автор множества научных работ, владеющий четырнадцатью языками; волосы и усы седые, но взгляд острый, и не скажешь, что три года назад отметил семьдесят.

Именно тогда Олегу на глаза попалась газетная статья, посвященная юбиляру и набитая всякими фактами о нем.

– Не сомневаюсь, что понимаете, – Снесарев огладил усы, и заговорил неспешно, взвешивая каждое слово. – Такие люди, как вы, нам очень нужны, и большая удача, что вы оказались в стенах нашего института. Вы так наверняка не думаете, даже подозреваете, не сошел ли я с ума, но я уверен, что через год-два измените свое мнение. Да, у вас нет научной подготовки, но зато есть живой, открытый ум и еще опыт, который пригодится нам, когда начнется запланированное расширение «Наследия». Мы пока занимаемся исключительно историей, но это ситуация данного дня, вскоре мы попытаемся охватить все дисциплины, интересные нам с точки зрения евразийского мировоззрения...

На столе аккуратной стопкой лежали книги, старинные толстые тома, и Олег смог прочитать названия и фамилии авторов на некоторых корешках – «Стратегия» Михневич Н. П., «Ведение современных войн и боя» А. Г. Елчанинов, «Основы современного военного искусства» В. А. Черемисов...

Директор «Наследия» продолжал активно работать не только как администратор.

– Должны будем готовить обоснования для всех идей, предложенных партией и правительством, неважно, связаны ли они с социологией, экономикой или даже естествознанием, – продолжал Снесарев, внимательно глядя на собеседника. – Кроме того, не стоит рассматривать наш институт только как исследовательское учреждение, мы еще и политическая организация, ведь в наше время любая наука, начиная с физики и математики, является политической. Несомненно, не помешало бы усилить наше влияние на крупнейшие университеты, пока оно не прискорбно мало...

«Планы у него наполеоновские, наличие в министерстве отдела высшего образования его не смущает, – подумал Олег. – Но зачем он мне все это говорит? Неужели это он попросил Паука перевести меня сюда, для начала – на скромную должность в специальном секторе, а как оклемаюсь – на пост повыше?»

Нет, маловероятно, скорее подозревает во мне соглядатая Штилера, и спешит расписаться в благонадежности.

Интересно, насколько искренне отставной генерал принял идеологию Вечной Империи? Учитывая геополитические воззрения Снесарева, он мог быть идейным сторонником ПНР, но мог работать на режим и из шкурных, карьерных соображений.

Или, скорее всего, все просто началось с жажды реванша, желания сбросить ярмо позорного мира, вернуть величие стране, растоптанной и униженной в шестнадцатом году. Многие в конце двадцатых поддержали ПНР и Огневского только потому, что тот обещал,

просто орал о том, что Россия вновь будет могучей, а подписанные в Амстердаме бумаги окажутся разорваны и выкинуты на свалку истории...

Может быть, поверил этим речам и Снесарев.

Поверил, пошел за евразийцами, и вот, высоко взлетел...

Не молод, конечно, директор «Наследия», но опытен и силен, Артюхину, начальнику отдела высшего образования, стоило бы насторожиться. Не успеет моргнуть и глазом, как окажется без полномочий, без бюджета и сотрудников, короче говоря, без власти, главой фиктивного подразделения.

Такое в подковерной бюрократической борьбе, что царит в Вечной Империи, происходило не раз.

– Далеко не все еще понимают, что освободив свое мышление и мироощущение от давящих его западных шор, мы должны внутри себя, в сокровищнице национальной русской духовной стихии, черпать элементы для укрепления и развития мировоззрения, и в этом же духе воспитывать нашу молодежь...

Прямо под портретом вождя на стене висела карта Евразии – границы государств на ней соответствовали, насколько мог судить Олег, тридцать шестому году, окончанию прошлой войны. Северный Китай до Хуанхэ и окрестности Проливов еще не являются территорией империи, но Иран, Галиция и Маньчжурия заштрихованы так же, как окрестности Москвы или Новониколаевска.

– Стоит также рассматривать и внешнеполитические аспекты нашей деятельности, – Снесарев, похоже, увлекся, даже не заметил, что собеседник слушает его не очень внимательно. – Наука братских народов, присоединившихся к евразийской идее, нуждается в направляющем воздействии, так что филиалы «Наследия» скоро появятся в Пекине и Белграде, в Софии и Стамбуле...

При упоминании столицы Турции Олег вздрогнул, ощутил нарастающее раздражение – сколько можно, он давно вышел из студенческого возраста, и вовсе не желает выслушивать такие вот длинные лекции.

Или директор «Наследия» пытается «перевербовать» нового сотрудника, обрабатывает, хочет обратить в свою веру?

– И последнее, по списку, но никак не по значимости – необходимо также сделать нашу деятельность менее умозрительной. Евразийству свойственно стремление сблизить науку с практикой, сочетать ее с производственным процессом, который в нашем случае понимается как исторический синтез на территориях того исполинского континента, что предоставлен нам Всевышним...

Похоже на цитату, да, из работы Алексеева «Духовные предпосылки Евразийской культуры».

Олег напрягся, вспоминая – он читал этот текст лет десять назад, но помнил его наизусть. Нет, не цитата, компиляция из нескольких расположенных по соседству фраз, умелая интерпретация и развитие чужих мыслей.

Интересно, что сам Николай Алексеев, один из основателей партии, ставший недавно директором Московской Высшей партийной школы, думает о том, как воплощают в жизнь его учение? Нравятся ему «практические выводы» в виде русских войск, что «моют сапоги» в Эгейском море и Индийском океане?

Мысль показалась неуютной, в этом направлении Олег раньше почему-то никогда не задумывался – да, есть основоположники, предтечи движения, их нужно уважать и почитать, но строить государство, решать земные, вовсе не философские проблемы предстоит другим, людям дела, таким как Штилер, Хан или Огневский.

Из тех, кто весной двадцатого года участвовал в учредительном собрании новой, тогда никому не известной партии, более-менее на виду остался только Савицкий, вождь идеоло-

гии империи, возглавляющий соответствующий отдел в ПНР, но и он – фигура второстепенная, и власти у него не особенно много.

– Так что, надеюсь, с вашей помощью в том числе мы сумеем решить эти задачи, – Снесарев наклонился вперед, испытующе глядя на собеседника.

– Э... надеюсь, – сказал Олег без особой уверенности.

– А я в этом уверен, – директор «Наследия» улыбнулся, после чего неожиданно помрачнел. – Только работать с вами рука об руку нам предстоит немного позже, дело в том, что на ваше имя пришел запрос из ОКЖ, там просят включить вас в специальную рабочую группу, задача которой – расследовать в том числе и тот взрыв, что произошел у нас.

– Меня? В ОКЖ? – пролепетал Одинцов, чувствуя, что стул под ним раскачивается. – Зачем? Почему?

– В новостях об этом, само собой, не говорили, но взрыв был не единственным, произошли еще два, в Москве и Нижнем Новгороде, – Снесарев вновь огладил усы, пожал плечами. – Существует подозрение, что тут действует террористическая группировка мистической направленности, и поэтому в расследовании должен участвовать представитель нашего специального сектора. Несомненно, в данной сфере, – в голосе его зазвучали горделивые нотки, – мы располагаем самой полной информацией.

– Хм, но почему я? – спросил Олег. – Я ведь тут первый день, еще ничего не знаю.

Проклятье, что вообще происходит, в какой интриге он оказался замешан, что нужно «опричникам»? Если они затеяли игру против Паука, то им нужно использовать нынешних приближенных министра, а не тех, кто отправлен в отставку и выкинут на помойку, чтобы «решать задачи исторического синтеза».

– Я и сам в некотором недоумении, должен признать, – проговорил Снесарев задумчиво. – Только вот этот документ, подкрепленный звонком из штаба корпуса, не оставил мне выбора.

На стол перед Олегом лег лист бумаги.

Так, запрос, шапка Народной дружины и ОКЖ... просим отправить в наше распоряжение немедленно... снабдить всеми материалами, что могут оказаться полезными в расследовании... оказать содействие...

И подпись!

Залихватская завитушка, так хорошо знакомая Олегу!

Буквы, складывающиеся в фамилию «Голубов».

Но даже если ты не разберешь ее, то перед подписью имеется печатная сигнатура начальника штаба ОКЖ, а еще ниже, у самого края листа располагается огромная печать с львиной головой, солнцем и луной, и расположенным по кругу девизом, известным со времен Чингисхана:

«Кто не повинуется, пусть умрет!».

Пайцза, наверняка выданная темнику для расследования этого дела с взрывами, и предоставляющая Голубову в дополнение к обычной такую власть, что он теперь волен отдавать приказы губернаторам и армейским генералам.

Проклятье, что это, то самое «не дам сгинуть в этом болоте»?

Или нечто иное?

Акт помощи старому товарищу или попытка заманить в свою берлогу, чтобы там расправиться с давним недругом?

– Понятно, – Олег дрожащими руками положил документ на стол.

– Возьмите с собой, пригодится, когда будете в ОКЖ пропуск оформлять, – Снесарев оттолкнул документ от себя, и на лице его на мгновение появилось сильнейшее отвращение. – Господин Голубов во время нашего разговора подчеркнул, что вам крайне желательно быть у него в три... – он глянул на наручные часы. – Как раз времени достаточно, чтобы

подготовиться. Николай Филиппович поможет вам собрать необходимые материалы, ну а мы будем ждать вашего возвращения.

– Хорошо, да, – Олег поднялся, сделал шаг к двери, и только тут вспомнил про оставшуюся у стола палку.

«Похоже, – подумал он мрачно, – придется привязывать к руке, иначе забуду где-нибудь. Ха, а может быть, Голубов пригласил меня в эту рабочую группу лишь для того, чтобы позлорадствовать, глядя, как я ковыляю?».

Учитывая привычки и характер генерал-майора, такое вполне вероятно.

Прекрасным майским днем...

2

8 мая 1924 г.

Петроград

В не такой уж большой комнате места хватало для четырех колченогих письменных столов, вдоль стен выстроились огромные, под потолок шкафы, забитые вырезками, плакатами и папками. Два окна позволяли видеть покрытую шифером крышу дома, расположенного на другой стороне улицы, и нависающее над северной столицей одеяло облаков, местами надорванное, так что просвечивала бледная, немощная голубизна.

Небо порой менялось, все же остальное в этой комнате оставалось неизменным все два года, что Олег ходил сюда на работу. Дверь, если посмотреть снаружи, украшала вывеска «Новая Россия: евразийская ежедневная газета», а также партийный герб, черный прямоугольник с белым трезубцем внутри.

Вся редакция помешалась здесь, на Задней улице, на самой окраине.

– Всем привет, – сказал Олег, переступая порог. – Какова погода, а? Неужели весна?

Сегодня прекратились дожди, заливавшие Питер с середины апреля, и вроде бы даже проглянуло солнце.

– Не весна, а обман, – мрачно буркнул Игнат Архипов, редакционный фотограф, заодно и художник на все руки.

Длинный, мрачный и черноволосый, он напоминал унылого, побитого жизнью ворона.

– Давай, заходи, чай будем пить! – замахал руками кругленький и жизнерадостный Севка, на самом деле Всеволод Багров, знающий Петроград досконально, от аристократических салонов до трущобных притонов, умеющий проникать в любые щели, добывать сведения оттуда, откуда их невозможно добыть в принципе.

Репортер на все руки, фельетонист и секретарь редакции.

– Будем, – отозвался Олег, исполнявший в «Новой России» роль главного редактора, а еще отдувавшийся за обозревателя по всем направлениям, от политики до культуры и спорта.

Каждый из них пахал за троих, был многолик, точно индийский бог Шива, жаль только, что жалование им платили, ну когда платили, а случалось это далеко не каждый месяц, по одному на журналистское рыло.

Денег в партии хронически не хватало, и лучшего помещения для газеты питерское отделение ПНР позволить себе не могло. За кипятком приходилось бегать на первый этаж, к коменданту, а чайником они пользовались таким, что им побрезговал бы разборчивый старьевщик.

– Раз будем, тогда раздевайся, – велел Игнат, выкладывая на четвертый, «обеденный» стол батон ситного хлеба.

Чай, сахар, печеночная колбаса, в денежные дни масло – вот и вся роскошь.

Пока Олег снимал плащ и шляпу, Севка крутил ручку радиоприемника, капризного монстра марки «Москва». Тот легко и самопроизвольно сбивался с настройки, соглашался работать далеко не каждый день, когда был не в настроении, то издавал лишь шипение и свист.

Но сегодня поймать нужную волну удалось на удивление быстро, и помещение редакции заполнили сигналы точного времени.

– Бип... Бип... Бип... в Петрограде девять часов! – объявил диктор.

Регулярное вещание на столицу началось в марте этого года, когда в Гребном порту поставили вышку, и за несколько месяцев оно разрослось от единственного вечернего выпуска новостей до десятичасового эфира.

За установку приемника брали три рубля, но сам аппарат обошелся почти в шестьдесят, и Олегу не без труда удалось убедить партийное начальство, что эти деньги стоит потратить. Напирал тогда, что они должны идти в ногу с прогрессом, что радио сообщает новости оперативнее газет, а еще оно способно освещать такие темы, какие пресса благодаря ее формату никогда не потянет.

– Хм, как я вовремя, – сказал он, усаживаясь за стол и пододвигая к себе сахарницу.

Чашки и блюда у них тоже старые, из сервиза, принесенного из дома Игнатом, ладно хоть скатерть есть.

– В эфире «Последние известия», – продолжила монотонно бубнить «Москва», чей голос сегодня был на удивление чист и звонок. – Президент Алексеев прибыл к местам боев апреля шестнадцатого года под Киевом, чтобы почтить визитом братские могилы...

– А помните, как мы мечтали избавиться от Витте? – буркнул Севка, укладывая на хлеб кусок колбасы, серой и ноздреватой, точно пемза. – И что, ведь избавились, пусть и чужими руками, но зато попали из огня да в полымя! Ладно президент, он у нас для вида, так ведь Коковцов за дело так принялся, что мама не горюй!

Ну да, первый президент Январской республики был настоящим жупелом для всех, кто хотел эту республику уничтожить.

И в сентябре двадцать второго монархисты во главе с прибывшими из Франции великими князьями Кириллом и Борисом подняли гвардию на переворот... Бои в столице и окрестностях продлились несколько дней, но Витте проявил неожиданную твердость, и с помощью оставшихся верными войск подавил мятеж, утопил его в крови, после чего настало время крутых мер.

Зачинщики, естественно, бежали обратно за границу, по полной получили те, кто остался. Славные полки, созданные еще Петром и его ближними наследниками, оказались частью переведены прочь от Петрограда, частью вовсе расформированными, а особый статус гвардии ликвидировали.

Но вот только монархисты Витте этого не простили.

В ноябре на аристократической сходке в Ницце его приговорили к смерти, и девятого февраля двадцать третьего года пули из пистолета князя Юсупова нашли свою цель. Президент умер там же, на Николаевском вокзале, откуда собирался отправиться в Москву, и республика оказалась в жестоком кризисе.

Вот только вопреки надеждам ПНР, она не рухнула, а даже окрепла.

– Это верно, Коковцов тот еще гусь, – сказал Олег, наливая заварки, черной, словно деготь. – Похоже, кончит так же, как Витте.

– Вот это вряд ли, – Севка откусил от бутерброда и принялся с аппетитом жевать. – Прикрывается он президентом, а тот для всех, кроме крайних левых, настоящая икона, на него чуть не молятся...

– Бастовавшие последнюю неделю шахтеры Донецкого бассейна пришли к соглашению с ассоциацией промышленников Екатеринославской губернии, стачка прекращена, будут предприняты меры по улучшению санитарного обслуживания и увеличению заработной платы, – вещало радио.

Олег жевал хлеб, прихлебывал обжигающий чай, и думал о том, что да, Коковцов не менее умен и опытен в государственных делах, чем Витте, но не настолько властолюбив, и намного более гибок. Поэтому той же ПНР его стоит опасаться куда больше, чем прежнего президента, заботившегося в первую очередь о собственной персоне и собственном кармане.

В марте этого года случилось невероятное – член Партии народов России, герой войны, полковник-летчик Александр Козаков одержал победу на выборах губернатора Ростовской губернии, бывшей Области войска Донского. Недовольные нынешней властью казаки проголосовали за того, кто пообещал вернуть им привилегии, освященные царской властью и традициями.

Вот только президент, науськанный премьером Коковцовым, применил свое право вето.

А против Михаила Васильевича Алексеева, бывшего главковерха во время германской войны, настоящего героя обороны Киева, одного из немногих генералов, ничем себя не запятнавшего в глазах народа, сейчас осмелится выступить только политический самоубийца.

Фотопортреты президента продаются лучше, чем горячие пирожки, висят чуть ли не в каждой избе, сакле или юрте.

– Да, икона, – вздохнул Игнат, принимаясь за горбушку.

– Министр финансов республики Вышнеградский заключил в Париже соглашение о новом займе, его условия являются для нашей страны крайне выгодными, и полученные средства будут направлены на создание новой промышленной базы в уральских и причерноморских губерниях. Также в рамках проекта формируется совместное русско-французское общество Восточно-Европейских железных дорог... – диктор сообщал вещи вроде бы интересные, но читал монотонно, без эмоций, и слушать его было откровенно скучно.

– Английская эскадра во главе с линейным крейсером «Худ» отбыла из Мурманска, где находилась с дружественным визитом. Его завершение было ознаменовано совместным салютом с судами эскадры российского Северного флота.

Что того флота – несколько эсминцев да один крейсер!

Если судить по слухам, доносящимся из кулуаров Земского Собора, на одном из закрытых совещаний гласные одобрили масштабную программу восстановления военно-морских сил, но когда она еще будет реализована?

Если будет реализована вообще, а не останется на бумаге.

– Во всем виновата война! – брякнул Игнат, сегодня быстрее всех управившийся с едой.

– Это какая, германская? – уточнил Севка.

– Нет, та, которой не было, – фотограф значительно прокашлялся, тряхнул сальными волосами. – Ну, скажем, с японцами, где-нибудь в начале века... ведь были у нас тогда с ними проблемы, были?

– Хм... ну, были, – согласился Олег. – И что с того?

– А то, что и в Корее мы с ними сталкивались, и в Китае, и Порт-Артур они нам отдали только потому, что тот для войны с Японией как порт никуда не годился, – Игнат говорил тяжело, убежденно, по обыкновению сжимал и разжимал тяжелые, совсем не интеллигентские кулаки. – Глядишь бы, столкнулись мы тогда с ними, получили бы по шапке, но тогда бы всех старых генералов выгнали, армию реформировали, и к четырнадцатому году пришли бы во всеоружии! Ну а так наш Николаша верил, что у нас все хорошо, что раз мы на учениях маршируем лучше всех, то любого супостата разобьем... ну и немцы ему показали, чего эта вера в самом деле стоит.

Севка усмехнулся:

– Да не получили бы мы от японцев. Сами бы им врезали как следует.

– Почему тогда на самом деле не врезали? – осведомился Игнат.

– А потому, что на два фронта пришлось воевать! – Севка замахал руками, набычился. – Лучшие полки где? Против немцев! Второй очереди где? На австрийцев отправлены, или турок! Только что осталось, на восток двинули!

– Ну а флот наш почему так бесславно погиб? – продолжал допытываться Игнат.

– Тихо, тихо вы, – поспешно вмешался Олег. – Нашли о чем спорить. Работать надо! Выключайте приемник и за дело.

Какая и вправду разница, что да почему произошло десять лет назад?

Прошлого не вернешь и не изменишь, надо жить даже не настоящим, а будущим, несомненно светлым и победоносным.

– Вот так всегда! – Севка бросил на Одинцова преувеличенно обиженный взгляд. – Исключительная несправедливость! Нам, значит, только всякую мелочевую дребедень писать! Болтать же о высоком – только шишкам из партии?!

Но послушно встал и отправился мыть чашки, поскольку сегодня была его очередь.

Игнат же снял с вешалки черное пальто, в котором ходил круглый год, и в летнюю жару, и в зимний мороз – ему предстоит визит в типографию, где вчера отказались печатать очередной номер «Новой России», причем по весьма банальной причине, из-за того, что за предыдущий до сих пор не заплачено.

«Ежедневная» вроде бы газета выходила на самом деле три-четыре раза в неделю, а то и реже, все зависело от того, находились ли необходимые деньги в казне петроградского губернского управления ПНР...

Какое уж тут жалование сотрудникам?

Олег вздохнул, вспоминая как было тяжело первое время, когда он только ушел из «Нового времени», получил громкий «титул» редактора, но зато лишился постоянного дохода. Жена встала на дыбы, пригрозила уйти к родителям, забрав сына, а ему пришлось затянуть пояс потуже, с дорогих сигарет перейти на те, что попроще, забыть дорожку в рестораны, кино и прочие увеселительно-разорительные заведения.

Туфли, в которых сейчас, носит третий сезон, и уж к сапожнику подходить с ними стыдно.

Но ничего, все это временные трудности, никакой набор старых пердунов, пусть даже финансовый гений, хитрый лис Коковцов при поддержке отважного генерала, отца народа Алексеева не удержит Россию от перемен. Надо только немного потерпеть, напрячься, и тогда все будет, и деньги, и новая жизнь, и гордость за свою страну.

– Ну, я пошел, – объявил Игнат.

Мрачный сутулый фотограф обладал редким даром убеждения, или просто умел вызывать в собеседниках жалость, поэтому на переговоры вроде сегодняшних, когда денег нет, а выпускать номер надо, обычно посылали его.

– Удачи, – пожелал ему Олег, а сам перебрался за свой стол.

Первым делом – конверт, принесенный вчера курьером с Разъезжей улицы, где находится петроградское управление ПНР: предписания, распоряжения, программы и воззвания, порой даже статьи, рассказы или стихи, сочиненные кем-то из партийцев.

Что касается последнего – чудовищная графомания, которую нужно редактировать, а на самом деле переписывать, и потом вставлять в газету.

– Ну что, за дело? – спросил вернувшийся в комнату Севка.

Олег кивнул и вскрыл конверт.

К его удивлению, на этот раз сверху лежал документ в один лист, озаглавленный «Циркулярное письмо: губернским вождям и вождям региональной партийной прессы», а подписанный «начальник отдела, вождь пропаганды Партии народов России Штилер И. И.».

Эту фамилию Одинцов слышал, причем неоднократно, хотя с ее обладателем никогда не сталкивался.

Иван Иванович Штилер, коренной петербуржец, перебрался в Москву еще в двадцать первом, чтобы редактировать ведущую евразийскую газету «Борьба», и прославился как автор ядовитых, агрессивных статей. Но настоящей звездой он стал после тех же выбо-

ров в Ростовской губернии, на которых заведовал агитацией, и не гнушался, если верить слухам, никаких, даже самых грязных приемов.

Марширующие по центральным улицам колонны под черными знаменами...

Громогласные ораторы, выступающие чуть ли не на каждом перекрестке...

Вездесущие плакаты, крикливо настаивающие «Мы или катастрофа!»...

Чучела «врагов народа», лущуемые палками и сжигаемые при стечении народа...

Избиение неизвестными кандидата от конституционно-демократической партии, прилетевшая из толпы в лицо самому Чернову, лидеру эсеров гнилая помидорина, сведшая на нет эффект его блестящей речи.

Интересно, что пишет Штилер, возглавивший только что созданный отдел.

До сего момента пропаганда была отдана на откуп губернским вождям, директорат в нее практически не вмешивался, разве что требовал печатать наиболее важные речи вождей, в особенности Огневского.

Письмо оказалось посвящено принципам, по которым с сегодняшнего дня должна работать вся связанная с ПНР пресса...

«Лицо политики меняется каждодневно, но направление пропагандистской линии может изменяться только медленно, исподволь. Политика может и должна шагать напрямик, срезая углы, но пропаганда не будет за ней поспевать. Пропганда не в силах поддерживать и объяснять каждый политический шаг каждого дня. Она работает в целом на генеральный курс, а тот может определяться лишь центральными органами партии, и в первую очередь ее вождем...».

Севка колотил по клавишам пишущей машинки, сочиняя очередной фельетон, но треск и позвякивание не мешали Олегу читать – про три основных способа, с помощью которых любая идея может быть внесена в сознание масс: краткое бездоказательное утверждение, постоянное, назойливое повторение и самопроизвольное, основанное на эмоциях заражение.

Если последнее не возникает, то считай, что вся работа пошла насмарку, никто из читателей ни в чем не убежден.

– Ну что там? – спросил Севка, когда письмо легло сверху на кипу уже прочитанных бумаг.

– Проклятье, кончились времена развитого феодализма, – со вздохом ответил Олег. – Наступает просвещенный абсолютизм, будем работать так, как нам укажет новый начальник прямиком из Москвы.

– Уууу... ыыы, – фельетонист поскреб коротко остриженную голову, и вновь принялся ожесточенно лупить по клавишам.

Под посланием Штилера обнаружилось информационное сообщение от директората ПНР.

Этот документ, подписанный вождем и председателем Павлом Огневским, сообщал, что очередной съезд партии пройдет с четырнадцатого по семнадцатое августа в Ростове-на-Дону. Победу на губернаторских выборах у них отобрали, но никто не помешает вдоволь поглумиться над нынешней властью и республикой в целом там, где эта победа имела место... хотя, кто знает, Коковцов и его министр внутренних дел, Волконский могут запросто пойти на запрет...

Ладно, посмотрим.

Так, это сообщение нужно поместить в «Новой России» в таком виде, в каком оно пришло, и снабдить статьей-комментарием... это писать придется самому, и не забыть упомянуть о великих заслугах и ведущей роли в борьбе за свободу и будущее «товарища Огневского, пламенного патриота, глубокого мыслителя, постигшего всю глубину евразийского учения».

Запомню, и получишь суровый нагоняй от губернского управления, как это было в декабре.

Рыжий фронтовик отодвинул в сторону Трубецкого и прочих основателей партии еще два года назад. Князь-филолог и его соратники-теоретики остались на звучных и вроде бы важных, но ничего не значащих постах где-то на периферии ПНР, а реальная власть оказалась в руках совершенно других, новых людей.

К их когорте принадлежал и нынешний глава петроградского управления, чье распоряжение лежало сейчас перед Олегом. У всего корпуса жандармов во главе с генералом Герасимовым наверняка чесались руки при виде этой фамилии, но сделать они ничего не могли – амнистию за политические преступления, объявленную Январской республикой в первые дни ее существования, никто отменять не собирался.

Борис Савинков, в прошлом – террорист, организатор убийств великого князя Сергея Александровича и министра внутренних дел Плеве, некоторое время возглавлявший Боевую Организацию партии эсеров. Властный, эгоистичный сноб с аристократическими манерами и непомерными литературными притязаниями.

В прошлом году он с грандиозным скандалом покинул ряды социалистов-революционеров, и все для того, чтобы сделать быструю карьеру в ПНР.

– Так-так-так, – пробормотал Олег, прочитав распоряжение.

Оно касается порядка уплаты взносов, интереса не представляет... отправим в «подвал», на последнюю страницу.

В дверь постучали, после чего она приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась кудлатая голова:

– Можно к вам?

– Вам чего? – спросил Севка, по обязанности секретаря редакции общавшийся с посетителями.

– Да нас отправили из этого... ну, с заводов, вождь по труду... сказал, что в газету...

– Понятно, заходите, – велел Олег, и отодвинул непрочитанные бумаги в сторону.

Это визитеры ожидаемые, рабочие-активисты, и ради них придется отложить прочие дела. Запланирован большой, на несколько номеров материал на тему «Евразийство – идея для народа», и для него придется брать интервью у самых разных людей, начиная от того же Савинкова и генерала Лавра Корнилова, гласного петроградской думы от ПНР, и заканчивая вот этими пролетариями...

Гостей оказалось трое, двое молодых, до двадцати пяти, и один постарше, за сорок, вошедший первым.

– С вас и начнем, – сказал Олег, беря карандаш и чистый лист. – Присаживайтесь ко мне. Остальные вон туда...

Придется им какое-то время поскучать за «обеденным» столом.

– Так, скажите, как вас зовут, откуда вы родом, где работаете... – начал Одинцов.

Поначалу нужно человека разговорить, сделать так, чтобы этот кудлатый дядя с седой в волосах перестал бояться, забыл о том, что беседует не с давним приятелем, а с «интеллигентом», человеком пусть из той же партии, но из другого мира, далекого от задымленных цехов и шумных мастерских.

– Иван Прохоров я... местный, отец мой тут родился, и дед, – рабочий кашлянул. – Обуховский завод, вот... сталевар я...

– Очень хорошо, – Олег подвинул к гостю пепельницу. – Если хотите – курите.

– Нет, спасибо... – кудлатый кашлянул снова.

– Так, Иван, скажите, с какого времени вы состоите в партии? Как вы о ней узнали?

– Ну... – могучая пятерня оказалась запущена в кудлатые волосы. – Это давно было. Позапрошрое лето, моя Зинаида как раз тогда на митинг к эсдекам пошла, а мы с ней пору-

гались... эх, кхм... – вспоминая давнюю ссору с супружницей, рабочий покрутил головой. – Тогда я тоже в них верил... Троцкий этот, ох мастак болтать, потом уж я узнал, что он еврей. Тьфу. Так вот, в пику ей я не пошел, а потом увидел плакат, где всех на встречу приглашали... Июль, да. В субботу. Выпили мы тогда с мужиками, и пошли...

Карандаш легко скользил по бумаге, из потока речи Олег выуживал немногие интересные факты, и тут же сортировал их – он не забудет, ни кто к нему приходил, ни имен и ни дат, но может упустить пришедшую именно сейчас в голову мысль, как оформить материал, какую «выжимку» сделать из полученных сведений.

– Что именно привлекло вас в ПНР?

– Так сразу видно – за идею люди готовы сражаться! За страну, за Россию! – Иван перестал стесняться и бояться, разгорячился и даже вскинул кулачище, солидный, в самый раз для сталевара. – Сам этот, Огневский, он ведь тоже кровь проливал, с германцем бился, а не сидел на жопе в тылу, как те евреи! Тьфу! За народ он готов жизнь положить, вот тебе крест, и мы за него положим, ведь так, братцы?

И он оглянулся на молодых товарищей.

– Так, – поддержал один из них, второй ограничился кивком.

– И кладем ведь, не жалеем себя! – продолжал Иван. – У нас на заводе эсдеки толкуются! Рабочий совет, то да се, лишь бы нас всех обмануть и заставить за себя голосовать! Кто против, на тех все мастера ополчаются, премии лишают, угнетают всячески. И мне достается, вот те крест! Но ничего, Прохорова не запугаешь, еще мой дед здесь родился... я прямо в их совет пошел, и заявил, что вас мы всех еще разнесем! Что одумайтесь, братцы, иначе все у евреев в рабах будете! Выгнали меня, морду набили! Но я ничего! – последним «подвигом» он откровенно гордился. – Наступит и наше время!

Так, теперь нужно этого героя понемногу осаживать, а то его понесет, и тогда фонтан не заткнётся.

– Благодарю, спасибо, – поспешно сказал Олег. – Сколько вам лет, кстати?

– А помню вот в мае, когда демонстрация... что? – Иван запнулся. – А, сорок три мне.

– Спасибо, достаточно, следующий...

Место кудлатого сталевара занял его товарищ помоложе, оказавшийся токарем завода «Феникс».

– Владимир Шаренко я, – бойко представился он. – В партии с осени двадцать третьего. Вступил в Народную дружину в декабре, сам Голубов дважды меня хвалил перед строем...

Олег поморщился.

Усатый казачий офицер, с которым они столкнулись в клубе рабочего досуга «Треугольник» два года назад, оказался типом пронырливым и напористым. Сумел войти в доверие к Хаджиеву, отпрыску рода Хивинских ханов, возглавлявшему боевые отряды партии с самого момента их создания.

Те за последнее время разрослись, обзавелись помимо повязок, единообразной черной формой. В феврале этого года НД претерпела реорганизацию, из отдельных, плохо скоординированных отрядов превратилась в централизованную, четко организованную структуру.

Для своих подчиненных Хаджиев ввел систему званий, позаимствовав ее из войска Чингисхана: рядовые именовались нукерами, над ними стояли десятники, еще выше помещались сотники...

Голубов стал тысячником, вождем петроградской дружины.

Счастье еще, что Олег редко сталкивался с отставным подъесаулом, разве что на больших совещаниях, какие собирали в губернском управлении раз в месяц, ну и еще на всяких торжественных партийных сборищах, что тоже случались нечасто.

Голубов их первой встречи не забыл, он хоть и здоровался с редактором «Новой России», но смотрел при этом волком.

– Первый раз – когда мы с черносотенными прихвостнями из Союза Михаила Архангела дрались, еще в феврале, неподалеку от Обуховского, кстати, – продолжал рассказывать Шаренко. – Там я одному череп «ластиком» проломил, а он оказался вожаком ихним, так остальные сразу и начали разбегаться... вши, – в голосе токаря прозвучало презрение. – А второй – совсем недавно, вот первого мая, когда мы митинг сорвали в Выборгском районе, там даже «зажигалки» с собой взяли, да не понадобилось. Наших криков хватило... Ведь ясное дело, мы самые лучшие, за нами будущее!

В словах его звенела непреклонная убежденность.

Олег писал, ощущая симпатию к этому простому, открытому парню, испытывая даже нечто вроде родственного чувства – они делают общее дело, идут нога в ногу, и неважно, что один машет дубинкой на митингах и держит за пазухой пистолет, или «зажигалку» на сленге дружинников, а другой не вылезает из кабинета, а главным оружием считает пишущую машинку и печатный станок.

– Да, я помню, как нас вызвали прикрывать партийное собрание в Кронштадте... Собирался сам Борис Викторович приехать, ну а наших там почти нет. Собралось нас сотни две. Привезли нас, а там толпа, сплошь из матросни, свистят, улюлюкают... Мы в колонну – раз. Выстроились, а оружия никто не взял, поскольку обещали, что полицейская провокация будет. Зашагали, со сжатыми кулаками, в железном порядке, а они в нас плевали, кидали чем-то... Ничего, улицу расчистили, чтобы вождь мог пройти спокойно... Справились, хоть и с трудом.

Да, об этом случае Олег знал – девятое ноября прошлого года, сорок три пострадавших, из них семеро тяжелых, и это только те, кто обратился в медицинские учреждения, отделавшихся синяками и порезами никто не считал.

Незаконные марши, драки, погромы, нападения на отдельных идеологических врагов – обычная «работа» дружинника.

На НД десятки раз подавали в суд, и всегда пытались притянуть к ответственности и партию. Но ПНР постоянно оказывалась чистой – поскольку использовала выдуманную Огневским методику «косвенных приказов».

Тот же Савинков лишь отвлеченно озвучивал, что ему необходимо, какого результата он ждет, не отдавая прямых распоряжений. Ну а Голубов мог творить, что угодно, лишь бы добиться нужной цели, и при этом заявлять, что действует независимо.

То же самое происходило и в других городах, губернские вожди партии работали рука об руку с тысячниками Народной дружины.

Один раз, во Владимире, дело все же дошло до суда, но предоставленный ПНР адвокат превратил процесс в настоящую пропагандистскую кампанию, так что дело постарались побыстрее закрыть.

– Хорошо, спасибо, достаточно, – сказал Олег, и перевел взгляд на третьего визитера. – Теперь вы...

– Дмитрий Успенский, в партии с двадцать первого, сын священника, родом из Новгородской губернии, возглавляю евразийский дискуссионный клуб Балтийского судостроительного завода.

Ого, вот это необычно... у голубоглазого парня с тонкими усиками стаж в ПНР больше, чем у самого Олега, и он не обычный работяга-правдоруб-активист, и даже не дружинник с намотанными кулаками.

– Хм, расскажите-ка подробнее, чем вы там в клубе занимаетесь, – попросил он.

– Еженедельно по субботам проводим лекции для рабочих, удалось для этого найти помещение на территории завода...

Темы лекций оказались соответствующими: «Европа – враг остального человечества», «Нравственные принципы государства Чингисхана», «Истинный и ложный патриотизм»,

«Марксизм, консерватизм и демократия – звенья одной цепи, надетой на свободные народы Евразии», «Романо-германское иго в сравнении с игом татар».

Успенский, судя по его речам, читал не только партийные газеты, он знал труды Трубецкого и Савицкого, цитировал по памяти Алексева, и цитаты эти были на редкость точными.

Даже Олег не смог бы воспроизвести «канонические» тексты лучше.

Причем рабочий не просто повторял, точно попугай, он понимал, о чем говорит, и мог самостоятельно делать заключения, и куда более здравые, чем выходили у кое-кого из более образованных евразийцев.

Клуб несколько раз пытались разогнать, но претензии администрации завода помог отразить тот же Корнилов, а эсеровский профсоюз судостроителей не выдержал столкновения с Народной дружиной.

Опять же, тут показал себя Голубов... мерзкий тип, но дело свое знает, и ничего не боится.

«С такими парнями, как эти, мы горы свернем, – думал Олег, торопливо черкая карандашом по бумаге. – Каждое интервью достойно особой статьи, а ведь не получится, никто не позволит, особенно теперь, когда Штилер, назначенный главой отдела пропаганды, начал закручивать гайки...».

– Отлично, спасибо, – сказал он, откинувшись в кресле и обзревая исчерканный лист. – Товарищи, вы очень помогли нам.

– Так это мы завсегда, вот те крест, – Иван размашисто перекрестился. – Так, братцы? «Братцы» дружно закивали.

– Всеволод, выдели им по пачке последнего номера, пусть раздадут среди своих, – распорядился Олег.

Рабочие, получив газету, выбрались за дверь, и они остались в кабинете вдвоем.

– Интересные типы, – заметил Севка, садясь обратно на свое место. – Прямо из народа.

Ветер ударил в окно, стекло задребезжало, а через щели дунуло так, что сразу вспомнились зимние месяцы, когда они тут околевали, в самые холодные времена сидели в шапках и пальто, а печатали в перчатках.

Нет, надо надавить на Савинкова, чтобы нашел денег на другое помещение.

И вообще, столица страны, а местная евразийская газета влачит жалкое существование!

– И вот думал я тут думал насчет того, что есть такое государство и как с ним бороться, – продолжал разглагольствовать Севка, потрепавшись на отвлеченные темы любивший больше всего на свете. – Решил, что оно на самом деле – некий символ порядка, некая понятная для всех штукавина, в которую можно верить.

– Послушайте ребята, что вам расскажет дед, земля у нас богата, порядка только нет? – вспомнил Олег Алексея Толстого.

– И ничего ты не понял! А я вот фельетон сочинил! Давай-ка, прочитай, и подписывай!

– Сейчас...

Но взяться за текст Одинцов не успел, поскольку ожил большой черный телефон, стоявший на столе у Севки. Вздрыгнул, едва не сбросил трубку на пол и наполнил комнату дребезжащим, мерзостным звяканьем.

– Ну и оручий гад, – пробормотал секретарь редакции, после чего вспомнил о своих обязанностях. – «Новая Россия» слушает, Багров у аппарата... да, соединяйте, конечно же...

И, прикрыв мембрану рукой, сообщил шепотом:

– Губернское.

Олег напрягся – с чего это им звонят в четверг, да еще и до полудня?

Савинков является на место не раньше двенадцати, еженедельные нагоняи и поощрения раздает по понедельникам, ну а партийные начальники поменьше редакцию обычно если и беспокоят, то лично...

Севка тем временем слушал, кивал, время от времени поддакивал, и физиономия его делалась все более мрачной.

– Неприятности, – сообщил он, шмякнув наконец трубку на рычаги. – Обыск у них был. Жандармы приходили, всюду копались, носы свои длинные совали, да только это не самое плохое.

– А что тогда плохое? – спросил Олег.

– Есть новости из Москвы, – Севка выдержал паузу, достойную великого драматического актера. – Штаб-квартиру тоже навестили, и даже кое-кого с собой забрали, того же Хаджиева, и самого вождя!

– Проклятье...

Новости и в самом деле были нерадостные.

Без железной руки потомка хивинских ханов Народная дружина превратится в толпу хулиганов, а без Огневского партия, скорее всего, вернется в то состояние, в котором была два года назад – маленькое, мало кому известное и интересное политическое объединение с причудливой идеологией.

Начнутся склоки, борьба за власть, за опустевшие места лидеров...

Но нет, такому не бывать, они этого не допустят!

– Им нас не сломать, – сказал Олег, сам до конца не понимая, кого «их» он имеет в виду.

Может быть, самого президента Алексева, дряхлое напоминание о канувшей в прошлое России...

Может быть, премьера Владимира Владимировича Коковцова, опытейшего бюрократа и финансиста...

Князя Волконского, министра внутренних дел, безликого и бестолкового честолюбца...

Всех, обладающих властью, но не видящих дальше собственного носа, не понимающих, что республика обречена, что она лишь саван, в которую завернули империю Романовых, созданную проклятым Петром на костях исконной России!

Этот саван вскоре будет разорван, и из него выйдет новое, невиданное доселе государство!

Дверь распахнулась без стука, и через порог шагнул высокий усач в фуражке и расстегнутой на груди шинели, под которой виднелся голубой мундир отдельного корпуса жандармов.

– Доброго дня, – поздоровался он со слащавой улыбкой. – Штабс-капитан Орешкин. Управление по Петроградской губернии.

– Хм, чем можем быть полезными? – осведомился Олег, и порадовался, что голос его прозвучал ровно, не дрогнул.

– Вспомни говно, вот и оно... – пробурчал себе под нос насупившийся Севка.

Жандармский офицер эту реплику наверняка разобрал, но внимания не обратил – за годы службы ему наверняка довелось выслушивать от «клиентов» разное, причем проклятия куда чаще, чем благодарности.

– Имеется ордер на произведение обыска в помещении, занятом периодическим изданием «Новая Россия», – сообщил он, вытаскивая из кармана шинели бумаженцию официального вида. – Желаете ознакомиться?

– Нет, – ответил Олег.

К чему суетиться? У штабс-капитана все наверняка в порядке с документами...

– Вот и отлично, – Орешкин ослабился вновь, на этот раз уже хищно. – Мы приступаем. Прошу вас освободить помещение, и выйти в коридор.

Олег поднялся, чувствуя, как все внутри, с одной стороны клокочет от гнева, а с другой – леденеет от страха. Неужели его заберут прямо сейчас, как Огневского и Хаджиева, упрячут в тюрьму, отвезут в Кресты или Шпалерку, и он даже не успеет передать весточку жене, поцеловать сына?

В коридоре ждало еще с полдюжины жандармов рангом пониже штабс-капитана.

Четверо рванулись внутрь, едва дверной проем освободился, но другие двое остались, и зачем – стало ясно через мгновение.

– Прошу вас встать лицом к стене, ноги расставить пошире, руки поднять, – принялся командовать огромный, под потолок детина без уха и с покрытым оспинами лицом.

– Зачем это? – нервно спросил Севка.

– Надо убедиться, что вы на себе ничего важного не утаили, – пояснил жандарм и басысто расхохотался.

Олегу стало противно, но он сжал зубы и развернулся так, чтобы не видеть ничего, кроме выкрашенной в грязно-бежевый цвет стены – уж лучше она, чем эта мерзкая, самодовольная рожа стража порядка, прислужника обреченного на гибель режима.

Обыскали его на удивление аккуратно и быстро, если можно так сказать – профессионально. Слегка охлопали с ног до бедер, стремительными касаниями проверили, нет ли чего под пиджаком.

– Все, вольно, господа газетчики, – разрешил одноухий.

– Господ больше не осталось, – не удержался Севка. – Все мы граждане теперь, понял?

Олег повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть презрительную гримасу на физиономии огромного жандарма – ну да, для него они не больше чем свихнувшиеся смутьяны, угрожающие стабильности государства, опасные вредители, подлежащие если не уничтожению, то изоляции от общества.

Что происходило в редакции, из коридора видно не было, изнутри доносились шаги, обрывки реплик, бумажный шелест и тот стук, какой издают резко задвигаемые ящики столов.

– ...Эх, дубииинушка, ухнем! Ухнем! Подернем! – завопило радио голосом Шаляпина, но тут же смолкло.

Олег заскрипел зубами.

Цели у сегодняшнего обыска могут быть разными – напугать журналистов, что трудятся в «Новой России», дезорганизовать работу газеты, и для этого «случайно» попортить, скажем, пишущие машинки или сотворить еще какую-нибудь пакость, после которой придется дня три наводить порядок.

Вряд ли жандармы искренне надеются отыскать здесь какой-нибудь компромат на ПНР, запасы динамита или оружия.

– Все, мы с вами закончили, – заявил выбравшийся в коридор штабс-капитан Орешкин. – Прошу расписаться вот здесь.

Олег уставился на протянутый ему лист:

– Что это?

– Протокол обыска. Сим сообщается, что ничего предосудительного не обнаружено. Желаете оспорить этот факт?

Теплая волна облегчения накрыла с головой, Одинцов торопливо поставил подпись.

– Вот и отлично. Счастливо вам оставаться, господа газетчики, – сказал штабс-капитан. – Только полагаю, что мы еще с вами увидимся, и может статься, что уже не на вашей, а на нашей территории.

Он вручил протокол допроса одному из подчиненных, и зашагал в сторону лестницы. Прочие жандармы, грохоча сапогами, двинулись следом, и вскоре Олег с Севкой остались вдвоем.

– Ну что, зайдем? – спросил Багров.

Олег переступил порог с бьющимся сердцем.

И не удержался, выругался матерно, что позволял себе очень редко – пол был устлан ровным слоем из бумажных листов, словно по редакции пронесся невиданной силы ураган или выпал снег из необычно крупных хлопьев.

– Вот это... это... это что? Гады! – прошипел Севка. – Зачем они?

– Как же, понятное дело... чтобы мы знали свое место, чтобы помнили, у кого власть, – Олег проглотил, затолкал глубже засевший в горле комок. – Но ничего у них не получится! Ничего!

Жандармы вытащили папки из шкафов, вывалили содержимое ящиков, и все перемешали.

Но пусть даже им придется просидеть тут всю ночь, приводя бумаги в порядок, очередной номер «Новой России» выйдет вовремя, и в нем будет текст, описывающий сегодняшний визит.

– Давай, беремся за дело, – сказал Олег, опускаясь на колени.

Под хмурым небом осени

3

27 сентября 1938 г.

Казань

Когда Олег вылез из такси у штаб-квартиры Народной дружины на улице Чингизидов, начался дождь. Холодная морось посыпалась с низкого, словно провисшего под собственной тяжестью, отсыревшего неба.

Несмотря на непогоду, он постоял несколько мгновений, разглядывая вытянувшееся чуть ли не на двести метров здание.

Поговаривали, что Хаджиев носится с идеей создать особое, отдельное ханство для своей «опричнины», то ли в Средней Азии, на родине предков, то ли в Монголии, на коренных землях Чингисхана. Установить там образцовый евразийский строй, а всех, кто в него не вписывается, попросту выселить.

Это вполне могло быть правдой, ведь одно государство в государстве он уже построил.

У Народной дружины была своя армия – казачьи части подчинялись не только генеральному штабу военного министерства, но и своему верховному атаману, а эту должность занимал Хан. У нее имелись свои спецслужбы, собственный, исключительный суд, глава которого носил титул вождя юстиции, отдельная экономика, «опричники» подмяли под себя корпус жандармов.

Если продолжать эту аналогию, то Олег сейчас стоял у парадных ворот столицы этого черного государства, у города в городе, занимавшего целый квартал между Чингизидов и Кремлевской.

И откровенно говоря, мало кто из людей, не состоявших в НД, знал, что именно творится за этими толстыми стенами, да и вообще в ведомстве Хаджиева. Все действия носителей черных мундиров окружались непроницаемой тайной, и никто извне не имел права подвергать «опричника» допросу.

Как-то раз, в двадцать девятом, в руки Олега случайно попал один из приказов Хана, где говорилось – «запрещаю любые разговоры с посторонними лицами, в том числе и с членами партии, о характере деятельности и задачах, стоящих перед дружиной, о ее оперативных программах и кадровой политике; в ответ на любые замечания, нападки и критику со стороны посторонних следует ограничиться замечанием, что дружина выполняет приказы непосредственно вождя народа».

С тех пор покров тайны стал только плотнее, а любопытных, желающих заглянуть за него, поубавилось.

Строительство штаб-квартиры НД продолжалось шесть лет, и во сколько обошлось, знал разве что сам Хаджиев и его приближенные. Но деньги потратили не зря – багрянец квадратных в сечении колонн, обильная лепнина на фронтоне, откуда презрительно смотрел громадный кречет Борджигинов, сжимающий в лапах две сабли, и статуи из белого мрамора на выступе, что тянется над самым входом.

Дружинник в кольчуге и остроконечном шлеме, рядом монгольский воин в малахае и с луком в руках, ратник времен Великой Смуты в рваном зипуне и с вилами, гусар эпохи наполеоновских войн, и пехотинец с полей первой германской, сжимающий винтовку Мосина...

Наверняка в этом огромном комплексе зданий имелись и другие входы-выходы, менее помпезные, но Олег о них не знал, и подозревал, что через них в пределы «черной империи»

попадают либо те, кто к ней принадлежит, либо люди, угодившие сюда помимо своей воли, под охраной и в наручниках.

Но вот губернское жандармское управление находится совсем в другом месте, на Петербургской. Железнодорожная жандармерия, ведающая охраной путей по всему огромному государству, и вовсе занимает отдельное новое здание неподалеку от старого вокзала.

Хотя скоро, если верить слухам, скоро ее заберут из «опричнины» и подчинят департаменту полиции МВД. Померанцев, министр внутренних дел, вроде бы взял верх над Хаджиевым, и премьер-министр уже подписал нужные бумаги.

Но штаб ОКЖ в любом случае располагается именно тут.

Олег вздохнул, опустил голову и заковылял вверх по ступенькам.

Тяжелая дверь открылась легко и бесшумно, десятник-дружинник, охранявший ее изнутри, глянул на гостя вопросительно:

– Чем могу помочь?

– Вот, – сказал Олег, протягивая бумагу, полученную «Наследием» от Голубова.

Рядом с плечистым, красивым и высоким парнем, облаченным в безукоризненную, с иголки форму и начищенные сапоги, рядом с настоящим идеалом евразийского юного бойца он чувствовал себя неуютно – хромой калека с палкой, волосы намокли, да и плащ тоже успел отсыреть, едва не волочится по полу.

– Вам нужно оформить пропуск, – десятник вернул документ. – Пройдите вон туда.

Оформление, вопреки ожиданиям Олега, заняло совсем немного времени, и вскоре он уже стоял у проходной, а офицер-«опричник», расположившийся за стойкой, крутил диск внутреннего телефона.

По другую сторону турникета располагался просторный вестибюль, в центре которого стояла статуя Чингисхана.

Основатель Монгольской империи был изваян молодым, без оружия, неистово и яростно вглядывающимся куда-то вверх, и с обрывками кандалной цепи в руках. Должно быть, скульптор хотел показать тот момент, когда молодой еще Темучин только что вернул свободу, бежал из тайджиутского плена.

– Ждите, сейчас за вами придут, – сказал офицер, закончив разговор, и Олег покорно кивнул.

Ждать долго не пришлось, вскоре у проходной объявился еще один дружинник, в чине сотника. Он поманил Одинцова, тот прошел через турникет, а затем и мимо статуи давно умершего хана.

Изнутри штаб-квартира «опричников» выглядела обычным учреждением, каких десятки в столице – прямые коридоры, широкие лестницы, разве что все встречные в форме, и честь отдают, но ведь так же и в военном министерстве, где Олегу доводилось бывать, когда они делали интервью еще с прежним министром, Корниловым... Вот только почему тогда по спине ползут мурашки, и хочется постоянно оглянуться, кажется, что в затылок дышит кто-то хищный и злобный?

Но нет, это все нервы, которые, как говорил врач из «Родины», «вовсе не канаты».

Они поднялись по лестнице, а когда свернули с нее, навстречу попался казачий есаул, судя по нашивкам, из уральцев – высокий, чубатый, статный, но пустой рукав у него был заправлен за пояс, а лицо пересекала скрывающая левый глаз черная повязка, и шагал он, глядя куда-то вверх.

Его полевая форма резко выделялась среди черных мундиров.

Провожатый распахнул перед Олегом обитую алой кожей дверь, они миновали приемную, потом комнату для совещаний, с овальным столом и стойкой, на какую вешают плакаты

и карты, и очутились в кабинете, не очень большом, но с высоким потолком и огромным, во всю стену окном.

Голубов сидел в просторном кресле, развалившись и закинув ноги на стол, и крутил в руках казачью нагайку.

– А, привел, ну и отлично, – он взмахом руки отпустил провожатого. – Давай, садись.

Последняя фраза относилась к Олегу, и тот неловко опустился на предложенный стул.

Подумалось, что Голубов мог вполне, как римский император Калигула, притащить сюда любимого скакуна, ведь наверняка держит собственную конюшню, не отказался от забав молодости. Уж не за это ли его поднял так высоко Хаджиев, сам бывший кавалерист и завзятый лошатник?

Хотя нет, командира ОКЖ, Ованесяна, хищника из закавказских аристократов, свирепого обладателя холодных синих глаз и тонкого, почти женского голоса, вождь Народной дружины держал не за то, что тот интересовался выездкой и мог с одного взгляда оценить перспективы жеребца-двухлетки на предстоящих скачках...

– Что уставился, как на вражину? Не иначе как брезгаешь мной, и вообще нами? – поинтересовался Голубов, скидывая ноги на пол. – Сам понимаешь, подобного я даже тебе спустить не могу. Отвечай, сука!

Лицо темника исказилось, начало багроветь, он ударил нагайкой по столу, лежавшие там бумаги жалобно зашелестели.

– Да, мы тут и вправду делаем много такого, что чертовым чистоплюям не по нраву! – рывкнул он, сжимая кулаки. – Вот эти руки по локоть в крови, да только я этим горжусь! Понимаешь?! Вон оно, проект «Железный хромец»! – он схватил со стола несколько листов. – Знаешь, знаешь, что это такое?

– Нет, – сказал Олег.

– А! Послушай-ка! Наконец-то мы возьмем за горло проклятых жидов, разберемся с ними! И с вашей проклятой шайкой, у вас там пархатый на пархатом сидит и пейсами погоняет! – Голубов хищно шурился, глаза его горели.

– И я тоже?

– Ну ты-то вроде нет, хотя это еще бабушка Сара надвое сказала! Но остальные, полюбуйся-ка! Ортенберг, Глиберзон, – темник отгibal пальцы на выставленном вперед кулаке. – Штилер! Разгоним эту шайку, отправим жидов туда, куда им и дорога!

– Нет... нет, я не верю, что такое возможно... – прошептал Олег.

Но память услужливо подсунула цитату из «Наследия Чингисхана», работы профессора Трубецкого, настоящей Библии евразийства, оставшейся таковой несмотря на то, что ее автора давно убрали из активной политики – «Коренное население большей части России состоит из представителей трех рас: восточноевропейской, туранской и тунгидной. Эти три расы, сильно перемешанные и близко сроднившиеся друг с другом, имеют ряд общих психологических черт, которые определяют собой всю историю и культурный облик России-Евразии. Между тем евреи не принадлежат ни к одной из этих рас, и являются для России-Евразии совершенно посторонним телом...».

А от признания инородным телом до мысли, что это самое тело необходимо удалить – один шаг.

Вот только каким образом, изгнать за пределы страны, заставить эмигрировать?

Затем профессор Трубецкой, хороший ученый, оказавшийся плохим политиком, и вовсе пишет, что «психические черты, свойственные их расе, чужды истории и культурному облику России-Евразии и оказывают разлагающее влияние на коренное население».

Ну а дальше и вовсе про то, что евреям нужно запретить вступать в брак с коренными жителями, занимать какие-либо должности...

И никого не волнует, что профессор излагает мнения доморощенных антисемитов, с которыми не соглашается, а в дальнейшем и полемизирует – подходящая цитата из «Священного Писания» имеется, да еще всем известно, что вождь народа и государства мягко говоря, не очень любит евреев.

Хотя список тех, к кому Огневский относится с неприязнью, выйдет длинным...

Начнется он с немцев и поляков, и вообще европейцев, а закончится православной церковью... будущий лидер нации, если верить слухам, когда-то учился в семинарии, и приятных воспоминаний у него с тех пор не осталось.

– Верь не верь, а вот у меня список народов, – Голубов потряс зажатými в кулаке бумагами, – не способных к усвоению евразийской идеи, утвержденный на самом верху, и жи́ды там на первом месте. Так что скоро мы разберемся с теми, кто мешает нашему народу идти в светлое будущее!

Он говорил уже спокойнее, а под конец фразы и вовсе опустил обратно в кресло.

– Но Штилер, он не может быть евреем, – сказал Олег. – Как бы он стал министром? Вождем пропаганды? С такой фамилией и именем он может быть кем угодно, хотя бы даже...

– Ну да, – Голубов прервал собеседника. – Ты думаешь, он Иван Иванович, вот так, да? Утрись! На самом деле отчество у Паука «Абрамович», и обрезан он был в питерской синагоге. Сам понимаешь, работа у нас такая – все знать, и о министре, и о тебе. Всех жидов передадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.